

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ,
АЛЕКСАНДР ПРОНИН,
ВИКТОР СУВОРОВ И ДР.

**СОЮЗ ЗВЕЗДЫ СО
СВАСТИКОЙ.
ВСТРЕЧНАЯ
АГРЕССИЯ
(СБОРНИК)**

Андрей Буровский

**Союз звезды со свастикой.
Встречная агрессия (сборник)**

«Яуза»

Буровский А. М.

Союз звезды со свастикой. Встречная агрессия (сборник) /
А. М. Буровский — «Яуза»,

Целых полвека эта информация была главной тайной СССР. Полвека советская пропаганда отрицала тот факт, что в 1939 году Сталин заключил с Гитлером не просто пакт о ненападении, а секретное соглашение о разделе Европы. До сих пор кремлевский официоз отказывается признать, что в развязывании Второй Мировой войны виноват не один, а оба агрессора и что этот сговор диктаторов, этот постыдный союз звезды со свастикой заслуживает осуждения международным трибуналом не меньше, чем военные преступления нацистов, а значит, скамье подсудимых в Нюрнберге следовало быть гораздо длиннее! Виктор Суворов первым неопровержимо доказал: без помощи Москвы Гитлер скорее всего вообще не пришел бы к власти. Не будь Сталина – не было бы и Второй Мировой. Не вздумай кремлевский тиран использовать фюрера как «ледокол мировой революции» – человечеству не пришлось бы умыться кровью в самой страшной войне от начала времен. А те, кто сегодня оплакивает падение СССР как «величайшую геополитическую катастрофу», завтра будут орать: хайль Сталин! В новой книге проекта «Правда Виктора Суворова» собраны лучшие работы профессиональных исследователей, подтверждающие открытия самого читаемого военного историка.

© Буровский А. М.

© Яуза

Содержание

Виктор Суворов	5
1	5
2	7
3	10
4	12
5	14
6	16
7	17
8	18
9	19
Виктор Суворов	22
Андрей Буровский	25
Деловое предложение	25
Базовый советский миф о Великой Отечественной войне	26
Мифы-предшественники	32
Почему это миф?	36
Великая отечественная? Для кого?	39
Параллельные мифы	41
Мифы советских «демократов»	42
Демонтаж сталинского мифа после Сталина	43
Открытия архивов не будет	44
Обманутые советские люди	46
Продолжение деструкции мифа	47
Как «воюют» с Суворовым	48
Контрреволюционный кот Михаил, или Мифы о самом Суворове	49
Почему это опасно?	50
Какую историю Второй мировой нам предстоит написать?	51
Война народов	52
Масштаб явления	53
Мировая гражданская война	54
Примечания	55
Александр Пронин[1]	58
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Виктор Суворов, Андрей Буровский и др.

Союз звезды со свастикой.

Встречная агрессия

Виктор Суворов

ВДРУГ ОНИ ВОЗЬМУТ И ПОМИРЯТСЯ...

Решиительное сражение можно считать вполне назревшим, если все враждебные нам классовые силы достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам.

И. Сталин. Сочинения. Том 6. Стр. 158.

1

В августе 1939 г. Сталин заманил Гитлера в западню и его руками развязал войну в Европе. Следовательно – во всем мире. Именно в этот момент, в августе 1939 г., Сталин установил для себя примерный срок вступления Советского Союза во Вторую мировую войну – через два года, то есть летом 1941 г.

Возражают: есть ли документ?

Отвечаю: документ есть! Он опубликован. Он доступен всем. Каждый желающий может его найти в любом справочнике. Закон о всеобщей воинской обязанности был принят Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. В этом документе содержится весь план Сталина. Просто надо внимательно прочитать текст и задать вопрос: а зачем такой закон был нужен Сталину? Надо посмотреть, какие возможности этот закон открывал перед Сталиным, какие накладывал ограничения и как Сталин представленные возможности использовал.

Итак, 31 августа 1939 г. Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов выступил с докладом на вечернем заседании IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Суть доклада: нужно срочно вводить всеобщую воинскую обязанность!

На следующее утро, 1 сентября 1939 г., депутаты Верховного Совета СССР снова собрались в Кремле, обсудили речь маршала и тут же, на утреннем заседании, дружно проголосовали. Новый закон немедленно вступил в силу.

Верховный Совет СССР – высший законодательный орган страны. Но этот законодательный орган резко и принципиально отличался и от римского сената, от британского парламента, американского конгресса и других учреждений подобного рода. В Верховном Совете СССР заседали не продажные политиканы, а честные, порядочные, трудолюбивые люди, самые настоящие рабочие от станка, крестьяне от плуга. Следуя принципам Сталинской конституции, в Советском Союзе удалось добиться того, чего не было никогда ни в одной стране мира. В Верховном Совете СССР были собраны сталевары и шахтеры, пастухи и трактористы, школьные учителя и медицинские сестры, ткачихи и доярки, тут были представлены все нации и народности великой страны. Особое внимание – женщинам. Среди депутатов Верховного Совета СССР женщин было больше, чем в то время во всех парламентах мира, вместе взятых. И было принято так: пастух с заоблачного горного пастбища приезжал сюда в лохматой бараньей шапке, с узловатым посохом, в черной бурке, хлопкороб из Узбекистана – в тубетейке и полосатом халате, электросварщик с огромной сибирской стройки – в маске с темно-синим стеклом, оленевод с Дальнего Севера – весь в меху, в мягкой обуви из тюленьих шкур, машинист паровоза

– в фуражке железнодорожника с разводным ключом в руке, шахтер – с отбойным молотком, с фонарем на каске.

Еще одно отличие от парламентов всех стран: депутаты Верховного Совета не отрывались от народа, ибо не отвлекались от своих профессий. Они так и оставались машинистами и лесорубами, свиначками и пастухами. А в Москву приезжали только два раза в год на три-четыре дня и утверждали законы. Эти люди не могли изменить интересам народа, ибо это были настоящие представители народа.

Народным избранникам оказывали величайшие почести. В Москве их селили в отеле «Метрополь». Перед ними выступали знаменитые артисты. В залах Кремля их кормили прославленные кулинары. И это, конечно, было правильно. Ведь депутаты выполняли важнейшую государственную функцию: осуществляли законодательную власть в огромной стране. Оказывая такие почести лучшим людям страны, государство в их лице демонстрировало уважение ко всему народу и готовность следовать тем законам, которые будут угодны народным представителям, то есть народу.

Сказав так много хорошего о первой в мире системе настоящего народовластия, надо не забыть и совсем небольшой недостаток.

Добрая половина депутатов ничего не понимала в государственных делах.

А вторая половина не понимала и русского языка.

В том и прелесть. Депутату не надо было ничего понимать. И думать ему было незачем. Умение говорить вовсе не требовалось. Перед депутатами выступали специально на то поставленные люди, грамотные и знающие. А гордый, сытый и довольный депутат слушал (или не слушал), что ему говорят. Когда все вдруг поднимали руки, он тоже должен был ее поднять. В том его обязанность и заключалась. Ради этого ему почести оказывали. Ради этого ему скармливали фазанов, перепелок и осетров, ради этого его поили коньяками, винами и прочими укрепляющими здоровье жидкостями.

За всю историю Верховного Совета СССР, за все десятилетия – и это не анекдот – ни один депутат ни разу не проголосовал против. Никогда. И ни один ни разу не воздержался. Депутаты всегда дружно всем стадом голосовали за то, что им предлагали с высокой трибуны.

Всегда единогласно.

Ничего интересного не было и на IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР... кроме странного совпадения по времени.

2

Ранним утром 1 сентября 1939 года вдали от границ Советского Союза разразилась Вторая мировая война. Германские танки, взломав пограничные шлагбаумы, ворвались на территорию Польши. По берлинскому времени – 4.45. В Москве было 6.45. Через час пастухи и доярки, туркмены и чукчи проснулись-потянулись, умылись-причесались, плотно позавтракали и в 10.00 приступили к обсуждению вопроса, следует ли вводить в Советском Союзе всеобщую воинскую обязанность?

Поразмыслив, решили: следует!

И ввели.

В тот момент Вторая мировая война отсчитывала свои самые первые часы. В войну вступили только две страны: Германия и Польша. Этот, по сути, локальный пожар сначала медленно, а потом все быстрее распространился по всей планете. К концу 1941 г. в самую кровавую войну во всей человеческой истории были вовлечены практически все ведущие государства мира: Германия и США, Италия и Великобритания, Франция и Китай, Япония и Советский Союз и еще многие и многие.

Но 1 сентября 1939 г. никто (кроме советских оленеводов и ткачих) не мог предвидеть, что от одной искры возгорится такое пламя. Ни правители Польши, ни правители США, Великобритании и Франции не знали, что началась Вторая мировая война. Этому не знал и сам Гитлер. Германия влетела, точнее вляпалась, во Вторую мировую войну, которую ни Гитлер, ни его генералы не планировали, не ждали, к которой были совершенно не готовы.

Выдающийся теоретик стратегии Б. Лиддел Гарт считал: «В 1939 году немецкая армия не была готова к войне. Командование, полагаясь на заверения Гитлера, не ожидало войны... Гитлер неоднократно заверял своих генералов в том, что для подобной подготовки будет достаточно времени, поскольку он не хочет рисковать и начинать «большую войну» раньше 1944 г.». (*Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1976. С. 32.)

С этим мнением согласны все, даже официальные советские историки: «К осени 1939 г. германский вермахт не был готов к мировой войне... Ввозилось 50 проц. потребляемого в государстве свинца, 80 проц. – каучука, 90 проц. – олова, 95 проц. никеля. По меди эта цифра составляла 70 проц., по бокситам – 99 проц. Нефть Третий рейх практически всю закупал в других странах. Оснащенность немецких вооруженных сил к 1 сентября 1939 г. уступала нашей. На вооружении вермахт имел 3195 танков и 3646 полностью готовых боевых самолетов». (*ВИЖ.* 1988. № 12. С. 59.)

К этому надо добавить, что все танки – легкие. Ни одного тяжелого, ни одного среднего. Почти половина из них (1445 единиц) – очень легкие, весом по 5–6 тонн и с пулеметным вооружением. Эти «танки», по свидетельству Гудериана, для войны вообще не предназначались, их создавали для учебных целей, для накопления первоначального опыта. 1226 танков имели 20-мм пушки. Чтобы оценить эту «пушку», нужно вспомнить, что в то время в ряде стран, например в Японии и Швеции, выпускали противотанковые ружья этого калибра. Танков с жалкими 37-мм пушками было 98. Танков с короткоствольными 75-мм пушками, именуемых в войсках «обрубками», «окурками» и более крепкими солдатскими терминами, – 211. Остальные – командирские машины без башен, без вооружения, в лучшем случае с одним пулеметом, который мог стрелять только вперед.

Полевая артиллерия Германии осталась на уровне Первой мировой войны.

Основа сухопутных войск – пехота, которая передвигалась пешим порядком. В каждой пехотной дивизии – шесть тысяч лошадей с телегами.

3600 самолетов тоже трудно признать силой, способной сокрушить весь мир. Среди этих самолетов дальних тяжелых бомбардировщиков – 0.

Кораблестроительную программу Германии планировалось завершить... в 1948 году. Если бы не началась война и если бы Великобритания за эти годы вообще никаких боевых кораблей не строила, то и тогда, по выполнении десятилетнего плана развития германского флота, он никак не дотягивал до мощи британского флота, тем более – объединенного британского и французского.

А за спиной Британии – весьма нейтральная Америка.

Против Гитлера – весь мир. Союзная Япония ничем ему помочь не могла.

Промышленность Германии работала в режиме мирного времени при катастрофической нехватке стратегического сырья, которое негде было взять даже при условии захвата почти всей континентальной Европы.

И с такими силами начинать мировую войну?

Если Гитлер и планировал войну, то никак не раньше второй половины 40-х годов. Но к этому моменту в США могло появиться (и действительно появилось) ядерное оружие. Вторая мировая война при таком раскладе просто не могла возникнуть.

Но она вспыхнула в 1939-м.

Есть множество свидетельств того, что и сам Гитлер, и окружающие его главари Третьего рейха 3 сентября 1939 г. были растеряны и подавлены, узнав о том, что Великобритания, а за ней и Франция объявили Германии войну.

«Что же нам теперь делать?» – вот реакция Гитлера.

Фюрер был потрясен, он такого разворота событий не ожидал и не предвидел.

Иоахим фон Риббентроп: «Гитлер не рассчитывал, что Англия начнет войну из-за Польши». (Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996. С. 145.)

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн: «Гитлер был убежден, что западные державы в решительный момент опять не возьмутся за оружие. Он особенно подробно обосновал это мнение». (Манштейн Э., фон. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 27.)

Генерал-полковник Г. Гудериан: «Гитлер тешил себя иллюзиями, что страны Запада войну не объявят». (Panzer Leader. London. Futura, 1979. P. 66.)

Даже высшие руководители Советского Союза были согласны с мнением о том, что в 1939 году Гитлер не ждал объявления войны со стороны стран Запада, то есть о начале Второй мировой войны не помышлял.

Начальник ГРУ ГШ генерал армии П. И. Ивашутин: «22 августа 1939 г., за девять дней до нападения на Польшу, Гитлер на одном из совещаний заявил своим генералам: «В действительности Англия поддерживать Польшу не собирается». (ВИЖ. 1991. № 6. С. 6.)

Для Гитлера и его окружения объявление войны Великобританией, а затем и Францией было настоящим громом среди ясного неба. Главари Третьего рейха знали, что Германия к войне не готова. Подвоз стратегического сырья в Германию – в основном морем, а в море господствуют флоты Великобритании и Франции, тягаться с которыми невозможно даже теоретически.

Генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль: «Когда Геринг узнал 3 сентября, что Англия и Франция объявили войну Германии, он воскликнул: «Да поможет нам бог, если нам суждено проиграть эту войну!» (Вестфаль З. Роковые решения. М.: 1958. С. 35.)

Альберт Шпеер: «3 сентября за ультиматумом западных держав последовало объявление войны. Гитлер после короткого периода растерянности утешал нас, как и себя, замечанием, что Англия и Франция объявили войну лишь для виду, чтобы не потерять лицо перед всем миром, и что, по его глубокому убеждению, объявление войны не будет сопровождаться военными действиями... Он несправимо держался своего убеждения, что Запад слишком слаб, неспособен и упадочен, чтобы всерьез воевать. Может, ему было стыдно признаться другим, а главное, себе, что он столь глубоко заблуждался... В эти первые дни сентября, как мне кажется,

Гитлеру едва ли было до конца ясно, что он неотвратимо развязал мировую войну». (*Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 238–239.)

3

Тут речь про 3 сентября 1939 г. В 11 часов утра Великобритания объявила Германии войну. Через 6 часов войну объявила Франция. Но Гитлер все еще не верит, что это серьезно.

А утром 1 сентября Великобритания и Франция еще никак не реагировали на действия Германии. Гитлер был совершенно спокоен и никаких осложнений не ожидал. Мир пока еще ничего не понял и никак не откликнулся на первые столкновения в районе германско-польских границ.

И только заранее собранные в Москве таджики и нанайцы уже сообразили, что это не пограничный конфликт, не случайная перестрелка, не провокация, а начало Второй мировой войны! И, оценив обстановку, тут же, прямо утром, единогласно утвердили Закон о всеобщей воинской обязанности.

В тот момент ни британский парламент, ни американский конгресс, ни германский рейхстаг, ни польский сейм не расценивали вступление германских войск на польскую землю как начало Второй мировой войны. Полная ясность была только в Кремле. Сталевары и пастухи, хлопкоробы и лесорубы, некоторые из которых вообще не подозревали о существовании Польши и Германии, прямо утром 1 сентября 1939 г. сразу все поняли, точно оценили обстановку и тут же приняли единственно верное в тех условиях решение.

Более всего поражает дальновидность Маршала Советского Союза Ворошилова. Речь маршала – интеллектуальный подвиг. Мгновенное и единственно правильное решение депутатов Верховного Совета СССР можно как-то объяснить. Но как объяснить дьявольскую прозорливость маршала Ворошилова? Ведь он предложил принять новый закон 31 августа, когда никаких событий еще не случилось. В тот момент, когда маршал поднялся на трибуну, откашлялся, глотнул воды из стакана и начал говорить, до первого выстрела Второй мировой войны оставалось еще 13 часов 40 минут. Пожар еще не начинался, а мудрый стратег уже знал, когда и где полыхнет.

После войны широким народным массам надо было объяснить невероятную проницательность и небывалую скорость выработки столь ответственных решений. Ведь это было просто немыслимое достижение человеческого разума. Официальная кремлевская пропаганда изумительную сообразительность объяснила просто: «Эта мера была вызвана надвигающейся угрозой войны». (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. Т. 1. С. 460).

Странное объяснение. Много лет советским людям вдалбливали мысль о том, что война с Германией неизбежна. Мало того, в 1936–1937–1938 гг. в советской пропаганде утвердилась мысль, что грани между миром и войной нет: Гитлер – враг, не надо гадать, когда начнется война с Германией, она уже началась. Это вбивали в головы даже детям пятилетнего возраста:

Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды.
И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест.
(А. Гайдар. *Чук и Гек*.
М.: Детгиз, 1938)

Но странное дело: пока советскому народу внушали мысль о неизбежности войны против Гитлера, кремлевское руководство почему-то всеобщую воинскую обязанность в стране не вводило.

А 23 августа 1939 г. Гитлер стал другом, с ним был подписан Пакт о ненападении, и тут же кремлевское руководство вдруг остро почувствовало «надвигающуюся угрозу войны» и приняло решение о введении всеобщей воинской обязанности.

И вот вопрос: откуда Маршал Советского Союза Ворошилов 31 августа 1939 г. мог знать, что завтра утром начнется Вторая мировая война?

А ведь 31 августа Гитлер считал, что нападение на Польшу пройдет без осложнений, как введение войск в Рейнскую демилитаризованную зону, как присоединение Австрии и оккупация Чехословакии. Я поднял центральные немецкие газеты того времени. Ни одна германская газета ни 1, ни 2 сентября не писала о начале Второй мировой войны.

А Народный комиссар обороны СССР маршал Ворошилов все видел наперед. Никто никогда не заметил глубокого и мощного интеллекта у Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. И в ясновидении его тоже никто никогда не заподозрил. И только однажды его просто озарило: чую войну! Советский маршал в Москве за день до событий и за тысячу километров от грядущего театра войны вдруг почувствовал, что вот завтра Германия нападет на Польшу и это будет не просто пограничным конфликтом двух европейских стран, но началом всемирного пожара.

Разгадка этого чуда проста. Маршал Ворошилов тут ни при чем. Своих собственных мыслей он никогда не высказывал, видимо, и не имел. Он говорил и делал только то, что было нужно Сталину.

Но как же Сталин догадался о том, что вот именно завтра утром начнется Вторая мировая война?

Загадки тут нет.

Сталин сам установил срок ее начала: договариваясь с Гитлером о разделе Польши, Сталин понимал, чем это обернется для Германии, Европы и всего мира. Протянув руку дружбы Гитлеру, Сталин в тот же момент приказал сочинить новый Закон о всеобщей воинской обязанности и собрать в Москве внеочередную сессию Верховного Совета для утверждения этого закона.

4

Теперь обратимся к тексту документа и постараемся понять его смысл.

Со времен окончания Гражданской войны в Советском Союзе не было всеобщей воинской обязанности, потому образовался многомиллионный запас молодых людей, которые никогда не служили в армии. Почти два десятка лет Сталин искусственно сдерживал численность своей армии и не призывал в нее всех, кого можно было бы призвать. В армию призывали только треть призывного контингента по вполне произвольному выбору. Кроме того, призывной возраст был преднамеренно завышен. Мобилизационный контингент накапливался, как тысячи тонн снега на горном склоне. Закон о всеобщей воинской обязанности, который был принят 1 сентября 1939 г., стал тем хлопком, от которого с гор срывается снежная лавина. Со стороны казалось, что Советский Союз продолжает жить в режиме мирного времени, мобилизация не была объявлена. Но Сталин, прикрываясь новым законом, начал резко увеличивать мощь Красной армии, призывая тех, кто раньше не служил. Кроме того, снизив призывной возраст с 21 г. до 19, а для некоторых категорий – до 18 лет, Сталин получил возможность призвать сразу всех, кому 19, 20 и 21 год, и некоторых, кому 18.

Интересно сравнить.

В 1939 году численность населения в Советском Союзе была примерно такой же, как и численность населения Российской империи перед Первой мировой войной.

У царя Николая перед Первой мировой войной в армии было 1,4 миллиона солдат и офицеров. У Сталина до начала Второй мировой войны в армии было 1,5 миллиона бойцов и командиров.

В августе 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну, была проведена мобилизация, численность армии был доведена до 5,3 миллиона солдат и офицеров.

В сентябре 1939 г. Советский Союз официально как бы еще НЕ вступил во Вторую мировую войну и мобилизацию как бы НЕ проводил. Но численность Красной армии стремительно возрастала и к лету 1941 г. была доведена до 5,5 миллиона бойцов и командиров. И это не считая войск НКВД, НКГБ, железнодорожных войск НКПС, в которых у Сталина было еще 1,3 миллиона бойцов и командиров.

У Сталина в мирное время и без мобилизации армия была больше, чем у царя Николая в ходе мировой войны после проведения всеобщей мобилизации.

5,5 миллиона человек в армии и еще 1,3 миллиона в войсках НКВД-НКГБ-НКПС – это, как ни крути, армия военного времени. Ни одна страна в мирное время содержать такую армию не способна.

Один человек может очень долго держать в руках груз в пять килограммов. Но если ему дать в руки штангу весом в 200 кг, то даже очень сильный человек, даже чемпион мира, сможет ее держать только несколько секунд. Точно так и с армией. Чем она больше, тем выше нагрузка на государство. Содержать под ружьем почти семь миллионов бойцов и командиров долгое время не мог даже Сталин. Закон о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1941 г. для самой массовой категории военнослужащих устанавливал срок службы в два года. Закон вступал в силу 1 сентября 1939 г., открыв шлюзы массового призыва.

Однако ровно через два года предстояло многие миллионы солдат отпустить домой. Если 1 сентября 1939 г. начался стремительный процесс наращивания мощи Красной армии, то через два года, 1 сентября 1941 г., неизбежно должен был начаться обратный процесс столь же стремительного сокращения армии. Страна подняла на свои плечи такой груз, который в мирное время она не могла долго и бесцельно держать.

Проще говоря, 1 сентября 1939 г. Сталин ввел новый закон и тем самым сам для себя установил крайний срок начала массовых боевых действий Красной армии: ДО 1 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА.

Одно из двух:

– или после 1 сентября 1941 г. придется резко сократить армию, распустить миллионы солдат по домам и в самый разгар Второй мировой войны остаться без сил;

– или Советский Союз до 1 сентября 1941 г. должен ввести в дело миллионы своих бойцов.

5

Тут необходимо обратить внимание на небольшую, но важную деталь. В 1939 году Сталин оставил себе возможность в определенных условиях оттянуть нападение на Германию до 1942 г. Для этого существовало два механизма.

В августе и сентябре 1939 г. перед разделом Польши в армию были призваны сотни тысяч ранее служивших резервистов. Раздел Польши прошел без осложнений, потому всех ранее служивших Сталин отправил по домам, тем самым несколько сократив армию. Ведь приписной состав можно в любой момент вернуть назад.

Кроме того, у Сталина была возможность искусственно сдерживать и притормаживать призыв нового пополнения, призывать не всех сразу, а немного растягивая процесс.

Однако над головой Сталина многотонной чугунной гирей висела жуткая возможность и вероятность затухания войны между Германией, Великобританией и Францией. С сентября 1939 г. на морских и океанских просторах развернулась свирепая битва. Обе стороны несли грандиозные потери. Однако на суше армии Германии, Великобритании и Франции активных боевых действий не вели. И это беспокоило Сталина.

Вспоминает Хрущев: «Эта «странная война» вселяла некоторую тревогу в руководство Советского Союза. Мы опасались, не закончится ли она сговором между Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией – с другой?»

Затухание войны товарища Сталина не устраивало. Своими опасениями он, понятное дело, с народными массами не делился. Наоборот, выражал страстное желание как можно скорее положить конец войне.

30 ноября 1939 г. Сталин через газету «Правда» объявил на весь мир следующее:

«...а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Сталинское стремление к миру было чистосердечным и пылким. Об этом мы можем судить по совпадению дат и даже часов.

В ночь на 30 ноября 1939 г. наборщики «Правды» тщательно складывали мудрые сталинские слова в чеканные строки: «Скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов». Именно в эту ночь командующий Ленинградским военным округом командарм 2 ранга К. А. Мерецков получил приказ о начале боевых действий против Финляндии в соответствии с ранее разработанным планом.

30 ноября в 8.00 ударила советская артиллерия, в 8.30 передовые отряды Красной армии пересекли границу Финляндии. Именно в это время советские люди разворачивали самую правдивую газету мира, читали заявления товарища Сталина о неоднократных и настойчивых «попытках Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Через газеты Сталин заявлял одно, а в своем кругу, когда никто не мог подслушать, он говорил нечто прямо противоположное. После завершения «зимней войны» состоялось совершенно секретное совещание высшего командного состава РККА. 17 апреля 1940 г. на совещании выступил Сталин и высказал свои опасения о перспективах войны между Германией, Францией и Великобританией: «Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли

воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено». (Зимняя война 1939–1940. И. В. Сталин и финская кампания. М.: Наука, 1999. С. 273.)

Эти слова Сталина стали известны только через полвека и только потому, что Советский Союз развалился. Сталин в 1940 году такого исхода не предполагал, потому мог своим командирам говорить то, что его беспокоило.

Официально на весь мир: скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы...

В своем кругу, когда посторонних нет: ах, как бы они не помирились.

6

Не прошло и месяца, как 10 мая Германия нанесла внезапный сокрушительный удар по западным союзникам. Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, британские войска на континенте были сокрушены в ходе блистательных молниеносных операций.

И сталинский план, как тонущий крейсер, затрещал по линиям сварных швов.

Хрущев: «Сталин нарушил свою замкнутость и очень нервно выругался в адрес правительств Англии и Франции за то, что они допустили разгром своих войск. Сталин тогда очень горячился, очень нервничал. Я его редко видел таким. Он вообще на заседаниях редко сидел на своем стуле, а всегда ходил. Тут он буквально бегал по комнате и ругался, как извозчик».

Казалось бы, чего ругаться?

Миролюбивая Германия сокрушила агрессивную Францию и вышвырнула с континента войска злонамеренных британских империалистов. Вот бы и радоваться товарищу Сталину: европейская война затухает, так и не разгоревшись в мировую. Верный сталинский союзник Гитлер проучил поджигателей войны, неповадно им больше будет нападать на соседние страны!

Но это Сталину весьма не нравится.

Вялая война на Западе Сталину не по нутру: война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют.

Германия решительно разгромила Францию, всех ее союзников, включая британские войска на континенте, – опять не так!

Что же ему надо?

Свой замысел Сталин высказал за много лет до начала Второй мировой войны: «Очень многое зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна... до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой...» (Т. 10. С. 288.) Сталину нужна была ситуация, в которой «капиталисты грызутся как собаки». («Правда», 14 мая 1939 г.)

С сентября 1939 г. до мая 1940-го особой грызни на Европейском континенте не было. Потом Гитлер внезапно разгромил своих западных противников, но опять без особой грызни. Сталин ждал, когда все европейские страны, прежде всего Германия, обессилят себя войной. Но боевые действия 1940 г. не ослабили, а резко усилили Германию.

Было отчего товарищу Сталину бегать по кабинету и матерно ругаться.

7

Тут меня и перебьют вопросом. Если Сталин планировал воспользоваться войной в Европе для того, чтобы нанести внезапный удар по Германии и освободить Европу от гитлеризма, то почему не нанес этот удар летом 1940 г., в момент разгрома Франции. Ведь возможность представилась просто невероятная!

Действительно, в конце июня 1940 г. в Европе возникла ситуация, лучше которой вообразить невозможно. Польша, Чехословакия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия разгромлены и оккупированы германскими войсками. Вся германская авиация – во Франции. Все танки там. Вся тяжелая артиллерия. Самые талантливые генералы. Все отборные войска. К концу операции германские тылы растянуты, техника требует ремонта, запасы ГСМ и боеприпасов почти полностью исчерпаны... А на советско-германской границе только десять германских пехотных дивизий. Без единого танка. Без тяжелой артиллерии, без авиационной поддержки и прикрытия. И румынскую нефть можно взять почти голыми руками, после чего гитлеровские танки, самолеты, артиллерийские тягачи, автомобили и мотоциклы, линкоры и крейсера, эсминцы, тральщики и подводные лодки просто замрут на месте.

Отчего же Коба не воспользовался ситуацией?

Оттого, что ситуация возникла внезапно.

Никто, включая Сталина, не предполагал столь быстрого падения Франции. Этого, кстати, не ожидал и сам Гитлер.

Летом 1940 г. представилась просто великолепная возможность для разгрома Германии. Но Сталину надо было тайно от мобилизовать и выдвинуть к границе дивизии, корпуса и армии Первого стратегического эшелона, развернуть в районе границ 250 новых аэродромов, командные пункты, узлы связи, госпитальную базу, подвести и выложить на грунт сотни тысяч тонн боеприпасов, запасных частей, инженерного имущества, вынести к границам базы ГСМ, перебазировать авиацию, обеспечить войска топографическими картами, планами первых операций, перевести промышленность и железные дороги на режим военного времени, от мобилизовать и выдвинуть из глубины страны Второй стратегический эшелон, заблаговременно отпечатать плакаты с зовущей Родиной-матерью, заказать «Великий день настал» Шостаковичу и «Священную войну» Александрову, решить еще массу всевозможных проблем.

Это как запуск ракеты на Марс. Не учтешь самую дурацкую мелочь – может грохнуть на старте.

Одним днем в столь грандиозном предприятии не обойдешься. И двумя месяцами тоже. А дальше – осень и зима. С раскисшими аэродромами, дождями, туманами, нелетной погодой. И Сталин решил: не сейчас, а в первый подходящий момент.

Но первый подходящий – не раньше 1941 г.

8

Ждать следующего, 1942 г. Сталин тоже не мог. После молниеносного разгрома Франции война между Великобританией и Германией могла в любой момент завершиться как совершенно бесперспективная для обеих сторон. У Британии не было такой армии, чтобы сокрушить Германию на континенте, у Германии не было такой авиации и такого флота, чтобы сокрушить Британию на островах. Пат. В этой ситуации любой игрок протягивает руку противнику: ничья. И Гитлер руку протянул.

После разгрома Польши 6 октября 1939 г. Гитлер обратился к правительствам Великобритании и Франции с предложением о заключении перемирия и созыве мирной конференции. Об этих предложениях писал 30 ноября 1939 г. и сам Сталин: «После открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии».

После разгрома Франции Гитлер вновь обратился к Великобритании с предложениями о мире.

Если бы Черчилль кивнул Гитлеру, Вторая мировая война тут же и погасла...

А это рушило все сталинские расчеты. Поэтому после разгрома Франции оттягивать нападение на Германию до 1942 г. стало не только бессмысленно, но и опасно. Если война в Европе прекратится, то Сталин не только останется один на один с Гитлером, но и потеряет моральное право «освободить».

Одно дело напасть на Германию в ситуации, когда Гитлер подмял Европу и продолжает войну. Тогда Сталин выступает освободителем. Тогда его поддержит весь мир.

Другое дело: война в Европе прекратилась, собрана мирная конференция, чтобы разрешить все проблемы Европы, и тут нападает Сталин... В этом случае он не освободитель, но агрессор, империалист, завоеватель.

9

Теперь допустим, что летом 1941 г. Гитлер не напал на Сталина и Сталин не напал на Гитлера. Представим себе, что Советский Союз в июле и августе 1941-го так и остается вне большой войны. И вот подходит 1 сентября. Сталину предстоит отпустить по домам миллионы солдат и остаться с очень маленькой армией. Мог ли он решиться на такой шаг, если соседом – Гитлер?

Нет. На это ни один здравомыслящий человек пойти не мог.

Что же оставалось?

Оставалось в любом случае до 1 сентября 1941 г. бросить миллионы бойцов в боевые действия.

А нельзя ли было миллионы солдат задержать в армии после 1 сентября 1941 г.?

Если бы Советский Союз до этой даты бросил в сражения свои фронты и армии, тогда никаких проблем. Солдат должен воевать, пока продолжается война. До победы.

Но если бы Советский Союз до этой даты активных боевых действий не развернул, то задержать солдат в армии было бы невозможно. Чтобы это понять, надо вернуться на несколько десятилетий в прошлое.

В 1905 году в России разразилась революция. Она не завершилась свержением монархии. Революцию удалось подавить. В 1905 году падение династии Романовых удалось оттянуть еще на 12 лет, до 1917 г. Но и в 1905 году ситуация была очень серьезной. На грани крушения. Все висело на волоске. Царь Николай вполне сознавал смертельную опасность режиму. Надо было на что-то решаться. Главной опорой царя была армия. В то время она состояла из двух неравных частей:

– гвардия;

– вся остальная армия.

Гвардия была относительно небольшой в сравнении с остальной армией – 5–7 % от всей численности вооруженных сил России. В начале XX века в русской гвардии было три артиллерийских бригады, 16 пехотных и 13 кавалерийских полков. Это была настоящая элита. Вся гвардия находилась в столице империи, а обыкновенные части были разбросаны по всей стране. В случае войны гвардейские полки воевали вместе со всей армией, но только на самых важных, решающих и опасных участках фронта. Офицерский состав гвардии комплектовался из высшего дворянства. Солдат отбирали с особой тщательностью. В гвардию попадали самые рослые, физически крепкие и морально устойчивые новобранцы. Гвардия имела невероятные привилегии в сравнении с остальной армией. Рядовой солдат гвардии получал жалованье в три раза выше, чем такой же солдат в обыкновенном полку, не говоря уж о том, что солдата гвардии гораздо лучше одевали и кормили, что жил он в несравненно лучших условиях. А офицер гвардии не только больше получал, но и его воинские звания имели иной вес. Например, капитан гвардии был официально равен по положению армейскому полковнику, а подполковник гвардии – армейскому генерал-майору.

Сама гвардия тоже была не однородной. В ней была установлена строгая иерархия полков. Самым высшим по положению был Лейб-гвардии Преображенский полк. Первым полковником в этом полку был Петр Великий, который создал как этот полк, так и всю русскую гвардию. После Петра по традиции все мужчины царской семьи проходили службу в этом полку, а все русские императоры, как мужского, так женского пола, включая Елизавету и Екатерину II, при восшествии на престол получали звание полковника Преображенского полка. Этот полк был элитой элит.

Но и в нем была своя элита – первый, он же Государев, батальон.

Этот батальон располагался непосредственно рядом с Зимним дворцом и нес его охрану. Первый батальон Преображенского полка возвышался над остальной гвардией в такой же степени, как вся гвардия над остальной армией. По традиции именно в этом батальоне служил наследник престола. Например, будущий император Николай II перед вступлением на престол прошел в Государевом батальоне все командные инстанции, до командира батальона включительно.

И вот революция 1905 г. Царь Николай II понимал, что главная опора – гвардия. Ее надо увеличить. Но как? Очень просто. Солдат в гвардии служил тогда 6 лет. Николай решил всех, кто уже отслужил, пока домой не отпускать. Ведь это самые опытные бойцы...

И случилось невероятное. Нет, нет, не восстание. Просто солдаты написали царю письмо с требованием отпустить всех, у кого срок службы завершился. Если была бы война, писали они, то мы бы продолжали служить до победы или до смерти. Но войны нет. Зачем же задерживать на службе верных защитников? Разве революционные волнения в стране – это уважительная тому причина?

Самое удивительное, что письмо царю было написано не какими-то вообще солдатами гвардии, а солдатами самого лучшего полка – Преображенского. И не какого-то там батальона, а именно солдатами первого, Государева батальона.

Тут надо внести уточнение. В подавлении революции 1905 г. гвардии принадлежала решающая роль. Например, 9 января 1905 г. солдаты Лейб-гвардии Преображенского полка расстреляли демонстрацию перед Зимним дворцом. В декабре того же года Лейб-гвардии Семеновский полк подавил вооруженное восстание в Москве. Солдат гвардии подчинялся железной дисциплине. Он четко выполнял все свои обязанности. Приказали стрелять в толпу, он стрелял. Однако только до тех пор, пока продолжалась его служба. 6 лет истекло, войны нет, значит, пора возвращаться домой. Ничего, кроме войны, его на службе больше удержать не могло. Даже приказ императора. Любимого императора. Даже того, который совсем недавно был командиром этого самого батальона.

Для Николая II, как и для всего его окружения, письмо солдат Государева батальона было хуже любого бунта и любой революции. Николай понял, что с огнем шутить нельзя. И приказал немедленно всех, кто свой срок отслужил, с благодарностью отпустить по домам.

И выхода у Николая не оставалось. Если нельзя положиться на штыки гвардии, значит, надо менять что-то в государстве. И царь начал реформы.

Но было поздно...

В Первой мировой войне практически вся гвардия России погибла. Те, кого набрали в гвардию в ходе войны взамен погибших, носили ту же форму, служили в тех же полках с гордыми именами. Но это были уже другие люди, те, кого в мирное время вообще на службу не брали.

Первая мировая война окончательно добила династию Романовых. И защищать ее на этот раз было некому.

Какое же отношение вся эта история имеет к Сталину, Гитлеру и ко Второй мировой войне?

Самое прямое.

Сталин внимательно изучал ошибки русских царей – своих предшественников на все-российском троне.

Сталин, например, полностью гарантировал свою власть от новых революций. Он ввел такую систему, при которой каждый человек должен был или погибнуть, или совершить какую-то подлость в отношении окружающих людей. Сталин сделал все население страны соучастником своих преступлений. Сталинская власть была гораздо сильнее и крепче, чем это кажется со стороны. Десятки миллионов подлецов знали, что если сталинская власть рухнет, то тайная

подлость станет известна окружающим. Потому огромные массы людей собственную безопасность не отделяли от безопасности сталинского режима.

Сталин ясно понимал, что можно делать с народом и армией, а чего делать нельзя ни при каких обстоятельствах.

Сталин четко усвоил урок, который преподнес Николаю Второму Государев батальон Лейб-гвардии Преображенского полка: солдат должен точно знать, когда завершается срок его службы. После того как солдат отслужил, его надо немедленно отпустить домой... Или начинать войну.

* * *

А вывод такой: если бы Сталин планировал начало активных боевых действий Красной армии на более поздний срок, например на 1942 год, тогда бы он и Закон о всеобщей воинской обязанности вводил бы не 1 сентября 1939 г., а позже.

Виктор Суворов КАТЫНЬ ИЛИ ХАТЫНЬ?

Правители Советского Союза нашли радикальное решение для проблемы Катыни: Хатынь!

В ходе Второй мировой войны на оккупированных территориях, особенно в Белоруссии, шла настоящая гражданская война: нацистские оккупанты творили неисчислимые злодеяния, народ воевал как против нацистов, так и против коммунистических партизан, коммунистические партизаны воевали как против нацистов, так и против собственного народа. Количество жертв не поддается никакому учету. В Белоруссии могилы прошлой войны – везде. А по лесам все еще валяются неубранные кости убитых. Были разрушены десятки и сотни городов, тысячи предприятий, взорваны тысячи мостов и неисчислимые километры железных дорог, сожжены, часто вместе с жителями, сотни и тысячи деревень.

После войны были подведены итоги. И вдруг в списке уничтоженных оккупантами населенных пунктов мелькнуло такое красивое название: Хатынь!

И было решено раздуть культ деревни Хатынь. На это были брошены огромные средства. Район уничтоженной деревни был объявлен государственным заповедником. На месте Хатыни был построен мемориальный комплекс площадью 26 гектаров, впоследствии расширенный до 50 гектаров. Гранит поставляла Украина, белый мрамор – Сибирь. Были возведены грандиозные монументы и бронзовые статуи, зажжен вечный огонь, открыт музей, каждые 30 секунд звонят колокола. В Хатынь стали возить школьников и ветеранов, там стали принимать присягу молодые солдаты, туда везли туристов со всего мира, на святые могилы женихи приводили невест и тут клялись в верности, священники творили молитвы, помахивая кадилами.

Про Хатынь писали статьи и книги. Про Хатынь снимали фильмы. Хатынь! Хатынь! Хатынь!

Вершиной прославления Хатыни стала выставка в Минске «Хлебное и кондитерское дело-2010». На выставке был представлен свадебный торт «Хатынь». Кондитер вылепил из шоколада центральную статую мемориального комплекса – непокоренный человек с трупом мальчика на руках и счастливую пару молодоженов у подножия обелиска. Мастер шоколадного дела явно рассчитывал сорвать первый приз. Потому как любое упоминание Хатыни всегда поощрялось по высшей шкале. Труп шоколадного мальчика, надо полагать, следовало скушать во время свадьбы.

Деревень на оккупированных территориях Советского Союза сожжено тысячи. Но нас заставляли помнить только одну – Хатынь.

Если вы сегодня спросите любого русского школьника про Хатынь, то он вам быстро и четко ответит: Хатынь? Как же, как же. Знаю. Это деревня. Немцы ее сожгли. Но спросите его: а можешь ли назвать имя еще одной сожженной немцами деревни?

Этого он сделать не может.

Спросите любого взрослого русского человека: назовите деревни, которые сожгли немцы. Он без запинки назовет Хатынь и... И это все.

Мой компьютер работает на русских программах. Я пишу «Хатынь», а он мне отвечает: допущена грамматическая ошибка, такого слова нет. Спрашиваю: а как надо писать? Умная машина отвечает: «Хатынь».

В «Советской военной энциклопедии» не упомянута Хатынь, но есть статья про Хатынь.

Постойте! Это ведь Военная энциклопедия. Почему в ней упомянута только одна сожженная деревня, если их сожгли тысячи? Давайте или все перечислим, либо ни одну по имени вспоминать не будем. Отчего великий почет одной деревне, если их было много? Зачем

тратить деньги на возведение монументов именно в Хатыни, а не на месте сожженной деревни Ивановки или Петровки? Зачем лепить шоколадные трупы именно этой деревни, но не соседней?

В русском языке на это есть ответ: НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ.

Тот, кто совершил преступление, своими действиями выдает себя. Зачем создан культ деревни Хатынь? Чтобы затмить и заслонить преступление в Катynie. Это прием карточных шулеров – передернуть карту. Мы задаем вопрос об одном, а нам дают ответ о чем-то совсем другом.

Если бы польских офицеров в Катynie расстреляли немцы, то зачем советскому руководству надо было отвлекать внимание народа от Катynie, выставляя вместо этого другую трагедию в Хатыни?

Интересно проследить во времени процесс замещения Катynie Хатынью.

В 1954 году Большая Советская Энциклопедия на карте в районе Минска не показывает никакой Хатыни.

В 1956-м Большая Советская Энциклопедия добралась до буквы «С», на карте Смоленской области показана Катynie.

В 1969 году Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР издало грандиозный «Атлас СССР». В этом очень подробном атласе уже нет никакой Катynie. Правда, еще не появилась и Хатынь.

В 1971 году Хатынь прочно занимает место на картах.

Затраты на строительство колоссального комплекса в Хатыни себя оправдывали. В 1974 году президент США Ричард Никсон во время официального визита в СССР посетил Хатынь в полной уверенности, что вечный огонь горит на могиле польских офицеров. Никто из советских официальных лиц не пытался вывести высокого гостя из этого столь Кремлю желанного заблуждения.

В то же самое время ряд польских организаций в Лондоне пытался пробить разрешение на возведение скромного обелиска жертвам Катynie. Отказ властей Лондона был мотивирован просто и убедительно: зачем скромный монумент в Лондоне, если есть грандиозный в Хатыни!

Но вот рухнул Советский Союз, и некоторые тайны приоткрылись. И последний президент Советского Союза Горбачев, и первый президент России Ельцин полностью признали вину Сталина, коммунистической партии и НКВД в уничтожении польских офицеров.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ, в девичестве – КГБ СССР) опубликовала сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» (Москва, 1995).

Редакционную комиссию возглавил директор ФСБ генерал-лейтенант С. В. Степашин. В составе редакционной комиссии – все тогдашнее руководство ФСБ: генерал-полковники А. П. Быков и В. М. Зорин, вице-адмирал П. Ф. Дубровин, генерал-лейтенанты А. А. Краюшкин, В. А. Тимофеев, Ю. Н. Степанов, В. И. Кравцов, генерал-майор В. Е. Мануильский и другие ответственные товарищи.

В сборнике документов помимо прочего помещена выписка из протокола заседания Политбюро ЦК Коммунистической партии от 5 марта 1940 года (стр. 156).

Это официальное решение Сталина и его подручных об уничтожении польских офицеров. На следующей странице – Приказ НКВД № 886 / Б начальнику управления по делам военнопленных П. К. Супруненко о составлении точных списков польских офицеров, содержащихся в советских лагерях.

После этого – доклад председателя КГБ А. Н. Шелепина Никите Хрущеву от 3 марта 1959 года: расстреляно в Катynie 4431, в Старобельском лагере – 3820, в Осташковском лагере – 6311, в других лагерях и тюрьмах – 7305.

Публикация этих документов – официальное признание вины высшим руководством советской тайной полиции. Никто из всех названных товарищей за такие откровения не был наказан и не был назван фальсификатором. Наоборот, авторы сборника поднялись высоко. Председатель редакционной комиссии С. В. Степашин стал министром юстиции, затем – министром внутренних дел, далее премьер-министром России.

Но вот все изменилось. Рассекреченные документы вновь стали секретными. Правители России заявили: раз поляки нас не любят, мы не будем сотрудничать в деле расследования преступления в Катыни и других местах массового уничтожения пленных офицеров.

Где логика?

Если поляки вас почему-то не любят, то, наоборот, надо срочно открыть все свои тайники и показать: мы ни в чем не виноваты! Или наоборот: да, это вина кровавого режима! Вы можете нас не любить, но мы ничего не прячем, преступления сталинского режима осуждаем.

Но все обстоит прямо наоборот. Центральная газета Министерства обороны «Красная Звезда» (15 апреля 2006) публикует статью о том, что во всем виноваты немцы, а поляки используют это преступление, чтобы «устраивать вакханалии на костях собственных граждан». Так прямо и написано: – вакханалии на костях собственных граждан!

Вышла книга какого-то Мухина о том, что Катынь – это провокация против России. Сталин ни в чем не виноват. Это преступление Гитлера, а поляки используют преступление, чтобы досадить Москве.

И вот после такой идеологической подготовки 22 мая 2008 г. Главная военная прокуратура отказалась передавать материалы по Катыни польской стороне. Обоснование: большинство из 183 томов имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно».

Вот и все. И это признание. Официальное и окончательное.

Давайте на секунду поверим, что поляков расстреляли немцы. Что же получается? Преступление совершено семь десятков лет назад. Гитлеровской Германии давно нет. Советского Союза нет уже два десятка лет. Нет ни гестапо, ни СС, ни НКВД. Но современная демократическая Россия почему-то хранит документы о преступлениях гитлеровцев как великую государственную тайну России.

Как известно, Главная военная прокуратура России укомплектована не самыми умными людьми. Вы только послушайте: преступление совершили гитлеровцы, но мы об этом никому не скажем, мы навеки это сохраним под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно».

Объясните же мне, зачем хранить секреты гитлеровских преступников всей мощью Государства Российского?

Закон России требует открывать архивы через 30 лет. Почему вопреки законам «преступление гитлеровцев» нельзя рассекретить через 70 лет?

Заявление о том, что «преступления СС» раскрывать нельзя, свидетельствует только о том, что Главная военная прокуратура укомплектована скрытыми гитлеровцами, которые, однако, своего нацистского нутра даже и не прячут. Главная военная прокуратура готова нарушать законы России, лишь бы миру не стали известны подробности кровавых преступлений Гитлера, лишь бы даже и через семь десятков лет мир не узнал имена фашистских палачей. Но если так, то вся Главная военная прокуратура должна давно сидеть в Лефортове.

И если Генеральный прокурор России покрывает подчиненных ему военных прокуроров, то и ему место на нарах.

Граждане прокуроры, туши шапки!

Андрей Буровский ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ? НЕТ, СОВЕТСКО-НАЦИСТСКАЯ

*Нигде не врут так, как на охоте и на войне.
О. фон Бисмарк*

*Война всегда делает мужчину подонком.
Французская поговорка XVII века*

Деловое предложение

20 мая 2009 года Президент России Дмитрий Медведев подписал Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». О задачах комиссии сказал в интервью «Российской газете» директор Института всеобщей истории Российской академии наук Александр Оганович Чубарьян: «В ее задачах разработка путей донесения правды, реальных исторических фактов, а также противодействие интерпретации этих фактов в политизированном духе»¹.

Полагаю, что грандиозный историко-политический сталинский миф о советско-нацистской войне должен быть рассмотрен комиссией в числе самых первых.

Противники моего предложения наверняка возразят, что речь идет о фальсификациях «в ущерб интересам России», а сталинская фальсификация – она не в ущерб, она на благо. В действительности сохранять сталинский миф – невероятно опасно для современной России. Трудно найти миф, который больше мешает нашему народу осмысливать самого себя и свою историю, делать выводы и двигаться вперед.

Базовый советский миф о Великой Отечественной войне

Как только грянули первые залпы 22 июня, сталинская пропагандистская машина выдала сравнительно стройный миф. Это был миф о внезапном нападении на ничего не ожидавшую мирную страну. Миф объяснял поражение в июне-июле 1941 года именно тем, что СССР к войне не готовился и нападения совсем не ожидал.

Поскольку с 1941 года сложившиеся воюющие блоки были стабильны, довоевали до 1945 в прежнем составе, все последующие мифы, в конечном счете, создавались на его базе.

Основные положения мифа созданы практически мгновенно, они прозвучали по радио 22 июня в 11 часов 36 минут по московскому времени, в знаменитой речи Молотова. Собственно, из нее-то население СССР и узнало о начале войны уже не с Польшей и Финляндией, а с Третьим Рейхом.

Приведу выдержки. Итак: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну».

Далее Молотов вещал: вследствие бомбежек нацистами «убито и ранено более двухсот человек».

Двухсот?! Несколько тысяч². «Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории». «... сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией».

К тому времени в Румынии и Финляндии уже полыхала война, начатая СССР³.

«Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора [пакта Молотова–Риббентропа. – А. Б.] германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей».

«Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне..., заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы»⁴.

В речи Сталина по радио 3 июля 1941 года – те же стереотипы. Даже круче. «Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы».

Красная Армия разбегалась. «Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации» чувствовали себя превосходно.

«Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам».

«Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства».

Но Третий Рейх напал на СССР вовсе не «вероломно» и не «без объявления войны».

Примерно в половине четвертого ночи 22 июня 1941 года немецкий посол в Москве фон Шуленбург, стоя перед наркомом иностранных дел Советского Союза Вячеславом Молотовым, зачитывал текст германской декларации о «военных контрмерах против СССР». По указанию Гитлера в декларации было запрещено упоминать слова «война» и «нападение».

Сам Молотов в своих мемуарах писал, что, когда Шуленбург читал текст декларации, его голос дрожал, а глаза были полны слез. Выслушав посла, нарком долго молчал, а затем тихо произнес: «Это война? Вы считаете, мы ее заслужили?» Едва сдерживаясь, немецкий посол добавил от себя, что не одобряет решение своего правительства.

В эти же минуты в Берлине советского посла Деканозова принял министр иностранных дел Третьего Рейха Риббентроп. Риббентроп вручил Деканозову декларацию об объявлении войны. Пораженный посол довольно быстро пришел в себя и резко заявил: «Вы пожалеете о том, что совершили это нападение! Вы за это дорого заплатите!». Он поднялся, поклонился и, не подавая руки Риббентропу, направился к двери. Провожая посла, министр шептал: «Я был против этого нападения»⁵.

А Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» пишет о том, что около 4 часов утра 22 июня в кабинет Сталина быстрыми шагами вошел Молотов и заявил о том, что германское правительство объявило нам войну⁶.

Байка о «вероломном нападении» пущена еще Сталиным во время его знаменитой речи 3 июля 1941 года. Потом эта ложь повторялась много раз, твердят ее и до сих пор. Вовсе не только в России, но по всему миру.

Очень понятно, почему она нужна. В ноте, которую передал Шуленбург в НКВД СССР, содержится почти дословный пересказ секретного протокола к пакту о ненападении между Третьим Рейхом и СССР от 23 августа 1939 года.

А нота, переданная Риббентропом Деканозову, завершалась такими словами:

[советское правительство] «1) не только продолжило, но со времени начала войны даже усилило попытки своей подрывной деятельности, направленной против Германии и Европы; оно

2) во все большей мере придавало своей внешней политике враждебный Германии характер и оно

3) сосредоточило на германской границе все свои вооруженные силы, готовые к броску.

Тем самым советское правительство предало и нарушило договоры и соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм – смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва намеревается нанести удар в спину национал-социалистической Германии, которая ведет борьбу за свое существование. Германия не намерена смотреть на эту серьезную угрозу своим восточным границам и ничего не делать. Поэтому Фюрер отдал германскому Вермахту приказ отразить эту угрозу всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Немецкий народ понимает, что в грядущей борьбе он не только защищает свою Родину, но что он призван спасти весь культурный мир от смертельной опасности большевизма и открыть путь к истинному социальному подъему в Европе»⁷.

Одним словом: правительство Третьего Рейха обвинило СССР в сосредоточении войск на границе и в подготовке к внезапному сокрушительному нападению.

Разве советскому народу полагалось знать такие вещи? Ни к коем случаю! Так что факт объявления войны и получения нот «пришлось» скрыть. И во время Нюрнбергского процесса СССР категорически отрицал сам факт получения нот и объявления войны. Каковой факт и все высказывания Сталина по этому поводу следует рассматривать адекватно: как случай

так называемого вранья. Сталин достаточно редко говорил правду, и это как раз типичный вариант.

И все советские историки, которые рассказывали про «вероломное нападение Германии на Россию», лгали сразу в нескольких пунктах: нападение совершено было

- не вероломно и не внезапно,
- не Германией,
- не на Россию.

При необходимости каждый пункт текста речей Сталина и Молотова может быть опровергнут буквально десятками ссылок на источники и литературу, десятками свидетельств.

Важной частью мифа о Великой Отечественной войне стала демонизация врага. Его цели уже в речи Сталина представляли почти карикатурными – но очень страшными.

«Враг... ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза».

О государственности по крайней мере литовцев, латышей, эстонцев в 1930–1940 годах кое-что известно: в 1939 году они лишились национальной государственности в ходе советской агрессии. Вот при гитлеровской оккупации их независимость восстанавливалась⁸.

«Восстановление власти помещиков, восстановление царизма»? Полный абсурд. Физически невозможно сочетать в одном флаконе «восстановление царизма» и «разрушение национальной государственности». Сама фраза совершенно сюрреалистична.

Конечно же, «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов... Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица».

Без призыва к истреблению внутреннего врага Сталин не был бы Сталиным.

В этой же речи Сталин ставит и некоторые политические цели... Если вдуматься, довольно зловещие.

«Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против поработания и угрозы поработания со стороны фашистских армий Гитлера»⁹. Речь Сталина много раз приводилась и цитировалась в самой различной литературе¹⁰.

В речах Молотова и Сталина заложены основные составляющие мифа, который в своих основных чертах дожил до нашего времени. Его главные составляющие:

1. Национал-социалистический Третий Рейх отождествляется с национальной Германией.

2. Социалистическое государство, Третий Рейх, объявляется «фашистским».

Третий Рейх был социалистическим государством, в котором единственной легальной и при том правящей партией была **Национал-социалистическая рабочая партия Германии**, *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*; сокращенно **НСДАП** (*NSDAP*). Программа имела много общего с программами коммунистов и эсеров¹¹.

«Я», пишущееся с большой буквы, должно быть заменено на «Ты» или «Мы», если человечество и прежде всего Германия хотят жить. Одновременно необходимо засыпать ров, который был вырыт ненавистью классово-борьбы и ложной верой в солидарность пролетарского интернационализма, с одной стороны, и кастовым духом, тщеславием происхождения, условий жизни, богатства и образования – с другой». Так писал глава штурмовиков Эрнст Рем в своей книге «Национал-социалистическая революция и штурмовые отряды»¹².

Сам Гитлер полагал, что «социализм – это учение о том, как следует заботиться об общем благе. Коммунизм – это не социализм. Марксизм – это не социализм. Марксисты украли это понятие и исказили его смысл. Я вырву социализм из рук «социалистов». Социализм – древняя арийская, германская традиция»¹³.

Нацистов порой называют «коричневыми», но это имеет тот же смысл, который в России имеет черный цвет. «Черный народ», «черная сотня»... В Германии это звучало как «коричневый народ». Простонародье, народная толща. И шли в бой коричневые не под каким-нибудь, а красным знаменем. Шли для того, чтобы освободить немецких рабочих от власти еврейской, французской и англо-американской буржуазии.

В рядах нацистов было полно перебежчиков и от коммунистов и от социал-демократов.

Ведущий нацистский юрист при Гитлере, министр без портфеля и генерал-губернатор Варшавы, Ганс Франк, повешенный по приговору Нюрнбергского трибунала, был социал-демократом и сторонником свержения Баварской монархии. Человек из окружения Курта Эйснера.

Социал-демократом был и Юлиус фон Штрайхер, в будущем «главный антисемит» Третьего Рейха и издатель газеты «Дер Штюмер».

Роланд Фрейснер, будущий президент Народного суда гитлеровской Германии, в юные годы попал в плен, в России сделался красноармейцем, политкомиссаром и чекистом. Его и заслали-то в Германию как доверенного агента Коминтерна... А он и перекинулся к нацистам.

НСДАП создала в Германии централизованную огосударвленную экономику. 15 июля 1933 г. был образован Генеральный совет германского хозяйства с участием крупнейших предпринимателей. Позднее было проведено также укрупнение хозяйственных структур. Нацистское государство предпочитало иметь дело с небольшим числом крупнейших фирм. И контролировать эти фирмы¹⁴.

В 1936 г. управление хозяйством перешло в руки «администрации четырехлетнего плана» во главе с Германом Герингом. Новая администрация взяла курс на «экономическое самообеспечение» («автаркию») страны и расширение бюджетного финансирования. Государство стало играть в экономике все большую и большую роль.

Термин «управляемый рынок» придумал вовсе не Горбачев, а руководитель имперской промышленной группы В. Цанген.

Централизация экономики помогла нацистам очень быстро справиться с безработицей и развалом экономики. Государство строило дороги. Германия до сих пор опоясана множеством автострад, проходящих не через города, а мимо городов. Не снижая скорости, можно пожить громадные расстояния. Строились и вводились в эксплуатацию крупные производства – в основном военного профиля. К 1935 году совершенно исчезла безработица.

Исчез слой спекулянтов и темных дельцов, ведущих веселую жизнь в ночных клубах. Не имеющий работы, не способный объяснить, откуда у него доход, рисковал лагерем.

Но не стало и разрыва в доходах, когда спекулянт обогащался, а семья рабочего нищенствовала.

Коммунисты кричат, что нацисты милитаризовали экономику, сделали ее работающей на войну. Но разве в СССР было иначе?

Смешивать нацистов с фашистами коммунисты начали с VII конгресса Коминтерна в 1935 году. Позже коммунисты произвольно объявляли фашистами членов самых обычных «буржуазных» правительств. У них получалось, что фашисты – это все, кто против коммунистов. А поскольку изображали фашистов всегда карикатурно, то получалось: против коммунистов идет исключительно какое-то тупое, злобное и малокультурное мужичье.

Социалисты хотели воплотить в жизнь утопию, построить идеальное общество на выдуманных теоретиками началах. А фашисты хотели любой ценой не позволить им этого. Поэтому когда пленных немецких солдат в России называли «фашистами», они, мягко говоря, удивлялись.

– Мы не фашисты, мы нацисты! – отвечали они вполне мотивировано, а у советских людей окончательно заходил ум за разум.

3. Многонациональный «строящий коммунизм» СССР отождествляется с национальной Россией.

СССР был государством, в названии которого не было никаких привязок к территории или к истории. Гербом СССР был земной шар, перевитый пучками колосьев с изображением серпа и молота: символов крестьянства и рабочего класса. Это государство состояло из национальных республик, число которых могло увеличиваться до бесконечности.

Ленин не устал повторять: «Наше дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики!»¹⁵

Правящая в СССР партия ВКП (б) с 1919 года рассматривалась как секция III Коммунистического интернационала, о целях которого Троцкий предельно ясно сказал: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть»¹⁶.

Официально целью Интернационала провозглашалось «...насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, бюрократического, административного, муниципального <...> [которые] могут обеспечить торжество пролетарской революции»¹⁷.

4. Нападение Третьего Рейха на СССР объявляется «вероломным», игнорируется факт объявления войны.

5. СССР рассматривается как невинная жертва агрессии, не готовая к войне и именно поэтому на первых порах терпящая поражение.

6. Начавшаяся война рассматривается как Великая Отечественная война (ВОВ) всего русского=советского народа.

И по сей день в Интернете часты определения типа: «Великая Отечественная война была справедливой освободительной войной Советского Союза против фашистской Германии и являлась важнейшей, решающей частью Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Война началась 22 июня 1941 г. вторжением без объявления войны на территорию СССР вооруженных сил Германии»¹⁸.

«Только Советский Союз неуклонно проводил политику мира, политику организации коллективного отпора агрессорам и поддержки народов, ставших жертвами агрессоров»¹⁹.

Получается примерно так: советские люди в 1930-е годы мирно трудились. Создавалась индустриальная база новой, счастливой жизни в СССР. Советские люди не хотели никого завоевывать и ни с кем не собирались воевать. Они были счастливы своим трудом под руководством своих мудрых руководителей. Крестьяне счастливо собирались в колхозы. Рабочие радостно трудились в три смены, выполняя пятилетку в четыре года, вдвоем на одну зарплату. Солдаты и офицеры бодро умирали на Халхин-Голе.

Интересно, что и в довоенных документах много ритуальных фраз о принципиальном превосходстве советской тактики и стратегии²⁰.

Фашистская Германия предложила СССР заключить пакт о ненападении. Советский Союз вынужден был заключить этот пакт с целью самообороны и для того, чтобы не дать сложиться общему фронту империалистических держав против СССР.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, тем самым начав Вторую мировую войну. Западные державы предали Польшу, и только Советский Союз совершил освободительный поход, освободил и присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию, и заключил пакты о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия внезапно и вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз.

Она имела колоссальное превосходство в вооружениях и в технике, потому что Гитлер располагал ресурсами всей Европы²¹.

Этим событием в 1941 году началась Великая Отечественная война. Это была война за спасение своей Родины. Участие в Великой Отечественной войне есть великий подвиг и колоссальная заслуга. Если кто-то из советских людей воевал на стороне Гитлера – то он отвратительный предатель, а его поведение совершенно «нетипично»²².

Благодаря своему военно-техническому превосходству Гитлер смог нанести временное поражение Советскому Союзу. Но советские люди – патриоты своей социалистической Родины. Они еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии, и под руководством своего гениального вождя и учителя, величайшего полководца И. В. Сталина поднялись на священную освободительную войну и дали врагу сокрушительный отпор. Гениальный план великого Сталина, «десять сталинских ударов», привел фашистскую Германию и всех ее союзников к полнейшему поражению²³.

«Фашисты» руководствовались антинаучным, реакционным учением о неравенстве человеческих рас. Они хотели истребить миллионы ни в чем не повинных людей по национальному признаку, а других превратить в своих рабов²⁴. Чудовищные, не имеющие аналогий в истории преступления фашистов осудил глубоко законный и невероятно прогрессивный международный Нюрнбергский процесс²⁵.

Победа «немецко-фашистских агрессоров» была бы величайшим несчастьем для человечества. Она привела бы к уничтожению современной цивилизации, порабощению и физическому истреблению десятков миллионов людей²⁶.

Эти утверждения тиражировались десятки миллионов раз в советских учебниках для школ²⁷ и для вузов²⁸.

Принципиально те же идеи содержатся и в современных учебниках²⁹.

В лице СССР прогрессивное человечество победило «фашистов» – мракобесов и негодяев, душителей самого лучшего. Ценность этой победы абсолютно очевидна и никогда никем не сможет быть поставлена под сомнение. «Советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества»³⁰.

Победители во Второй мировой заставили народы принять свою мифологию. В конечном счете она была достаточно выгодна и всем остальным победителям, в том числе и полякам, и англосаксам: демонизировала проигравших и хоть как-то объясняла удобным им способом ход и результаты Второй мировой.

Для понимания того, что именно навязывалось и почему, необходимо принять во внимание два важнейших пункта: этот миф возник не изначально, ему предшествовали другие мифы – потому что долгое время было непонятно, с кем и в каких коалициях будет воевать СССР.

Мифы-предшественники

Официальный миф СССР исходил из того, что в СССР у власти находилась самая передовая общественная теория Карла Маркса и В. И. Ленина, марксизм-ленинизм. Она не имеет ничего общего с расовой теорией и человеконенавистническим учением «фашистов». СССР рано или поздно должен был стать «Земшарным». Но с кем именно начнется Вторая мировая война, было совершенно не очевидно.

Мифологично уже представление о реализации в 1941 году единственно возможного «расклада сил» воюющих сторон. Коалиции складывались в какой-то мере и случайно. Реальность союзнических отношений Британии и СССР была неожиданностью для обеих сторон.

3 сентября 1941 года Сталин писал Черчиллю, что без высадки англичан во Франции и без ежемесячных поставок в СССР 400 самолетов и 500 танков «Советский Союз либо потерпит поражение... либо потеряет надолго способность к активным действиям на фронте борьбы с гитлеризмом»³¹.

13 сентября 1941 года Сталин даже просил Черчилля «высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР»³².

Черчилль писал Рузвельту по этому поводу: «мы не могли отделаться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире»³³.

Советскому же послу Майскому Черчилль ответил весьма конкретно: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы на нашем острове не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас»³⁴.

Если военно-стратегические концепции менялись уже на протяжении Второй мировой войны, то тем более они не раз менялись в ходе ее подготовки. Неизменной в этой доктрине оставалась разве что идея войны «малой кровью и на чужой территории». Полностью мы эту доктрину не знаем и, возможно, никогда не узнаем: документы о планах советского руководства на 22 июня 1941 года, приказы Наркомата обороны и Киевского военного округа в первые часы и дни войны не рассекречены и по сей день. Есть отдельные документы... Но они очень красноречивы.

Согласно всем этим документам, неприятельские войска не должны были находиться на территории СССР больше суток. Это если враг вообще будет атаковать первым.

«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» – 18 сентября 1940.

«Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» – 11 марта 1941.

«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»³⁵ – май 1941.

И наконец, «записка начальника штаба Киевского ПВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год»³⁶.

В сущности, это один и тот же документ, много раз уточнявшийся и дорабатывавшийся.

Самым лучшим вариантом считалось «ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания».

И вообще «наша оперативная подготовка, подготовка войск должна быть направлена на то, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы»³⁷.

Вот так. Нападать первыми, не ждать полного развертывания вражеских войск. И – на чужую территорию. К 30-му дню войны Красная Армия должна была выйти «на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц». То есть находиться в 300–350 км от новой границы СССР, на территории Польши и Чехии.

Реальность показала, что составлять такие планы могут только люди, психологически живущие вне реальности.

Само стремление к новой Мировой войне диктовалось в СССР ожиданием Мировой революции и готовностью всячески создавать условия для ее начала.

В Гуверовском институте Стэнфордского университета в Калифорнии (США) хранится пакет из 232 особо секретных постановлений советского Политбюро по вопросам внешней политики за 1934–1936 гг. «Немецкие агенты регулярно приобретали такие документы, получая их через 7–8 дней после их создания»³⁸.

Эти постановления содержали информацию об указаниях Политбюро верхушке Наркоминдела и высшим государственным чиновникам.

11 февраля 1934 года Политбюро решило, что крупная европейская война поможет пролетариату захватить власть в крупнейших европейских центрах.

В постановлении от 1 мая 1935 года Политбюро полагало, что СССР примет участие в новых конфликтах в Европе и в Азии ровно в той мере, «которая позволит ему оказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию»³⁹.

В 1938 году ЦК ВКП (б) уже говорит о «начавшейся мировой войне». О «Второй мировой войне», которая приведет к восстаниям и революциям в Европе.

А чешским коммунистам в Москве разъяснили: «Если бы мы заключили договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились. Ленину удалось построить коммунизм, а Сталин, благодаря его предвидению и мудрости, приведет Европу в мировую революцию».

«Заключив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики, он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революциям в Германии и Франции».

«...война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны».

«Настоящая война будет длиться столько, сколько мы захотим.... Мы тратим огромные деньги, чтобы война [между Японией и Китаем. – А. Б.] продолжалась»⁴⁰.

Подобные планы принято считать проявлением сталинского «прагматизма». Но это странный «прагматизм», в котором все реальные планы подчинены идеологической мифологии Мировой революции, восстаниям пролетариата и так далее.

Одновременно создавались литературные и кинематографические мифы о будущей победоносной наступательной войне СССР против «фашистского агрессора».

Фильм Абрама Роома «Эскадрилья № 5» начинается с того, что советская разведка перехватывает приказ командования Третьего Рейха о переходе советской границы. На бомбежку немецких аэродромов вылетают тысячи советских самолетов, в числе которых – эскадрилья № 5. «Наши» со страшной силой громят «ихних», но «фашисты» подбивают два наших самолета. Летчики эскадрильи № 5 – майор Гришин и капитан Нестеров – на парашютах спускаются на территорию врага. С помощью немецкого антифашиста, «своего парня» и «пролетарской рабочей косточки» герои фильма захватывают «ихний» самолет и улетают к своим.

И в литературе делается то же самое! Ни одна книга перед войной не имела таких тиражей, как «Первый удар»⁴¹. После подписания Пакта 1939 г. книгу изъяли из продажи... Но к тому времени ее только ленивый не прочитал. И вообще каждый красный командир обязан был прочитать эту книгу, потому что военное издательство выпустило ее в учебной серии «Библиотека командира».

«Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух».

«Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы».

До какой же все-таки степени материализуется то, чего мы ждем... Конечно, в книгах и фильмах «мы» стреляли, а «они» взрывались. В реальной истории было не совсем так... Но советское общество с 1938 года ждало войну с Германией. Можно сказать, накликало ее по всем правилам первобытной магии. Естественно, что и накликало.

Те, кто начинали войну 1941 года, хорошо помнили попытки перевоспитывать первых военнопленных на основе пролетарского интернационализма. Как вот у Гранина: «А следующим был пленный унтер. Шофер. Мы взяли его в конце июля сорок первого года. Меня позвали, чтобы я помог переводить....

Он был шофер, то есть рабочий класс, пролетарий. Я немедленно сказал ему хорошо выученную по-немецки фразу – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Со всех сторон мне подсказывали про социализм, классовую солидарность, ребята по слогам втолковывали немцу – Маркс, Энгельс, Тельман, Клара Цеткин, Либкнехт, даже Бетховена называли. От этих имен мы смягчились и были готовы к прощению, к братанию. Мы недавно видели сцены братания в звуковом фильме «Снайпер». Согласно фильму и учебникам обществоведения, и нынешний немец, наверное, должен бы покраснеть, опустить свои светлые ресницы и сказать с чувством примерно следующее:

– Буржуазия, то есть гитлеровская клика, направила меня на моих братьев по классу. Надо повернуть штык, то есть автомат, против собственных эксплуататоров, – что-то в этом роде.

Нас этому учили. Мы верили, что пролетариат Германии не станет воевать со Страной Советов. Мы честно пытались пробудить классовое сознание этого первого нашего немца»⁴².

Сцена, описанная Граниным, доказывает только одно: верхи и низы советского общества мыслили не настолько различно, как иногда кажется. И те и другие, как мы видим, ждали в случае войны «взрывов классовой солидарности» трудящихся.

Но при этом реальная политика заставляла коммунистическую верхушку не раз изменять векторы своей политики, а вместе с тем и конкретный образ врага. Вместе с этим изменялись и конкретные параметры главного политического мифа.

Доклад В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. был всецело посвящен международным отношениям и тем изменениям, которые произошли в

последнее время. В связи с этими изменениями, как подчеркнул Молотов, «некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно, – и к которым многие так привыкли – явно устарели и теперь неприменимы». А конкретнее: «Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются»⁴³.

30 ноября 1939 г. Сталин заявил еще «круче»: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»⁴⁴.

Таким образом мифология, начавшая складываться уже 22 июня 1941 года – лишь последняя версия мифа, который сталинская пропаганда готовила по крайней мере с 1934 года: мифа о вынужденном вступлении СССР в войну для блага пролетариата всего мира.

При этом готовилась не национальная война и не империалистическая. Готовилась идеологическая война коммунистов за право и возможность советизации всего мира.

Почему это миф?

Мифологично уже само название события: Великая Отечественная война.

Второй Отечественной называли иногда войну 1914–1918 годов. Теперь это слово реанимировали, создавая новый, уже советский миф. Сталин употребил применительно к этой войне слова «великая» и «отечественная», но раздельно. «Великая Отечественная война» долгое время звучало примерно так же, как «священная народная война», «священная отечественная народная война», «победоносная отечественная война». То есть не как официальное название войны и не как название этапа Второй мировой – а как пропагандистское клише.

Термин Великая Отечественная вводился и входил в жизнь постепенно. При Сталине он был закреплен только введением ордена Отечественной войны согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г. Это название было официально для СССР до 1991 года и сохранилось в ряде независимых государств, бывших раньше республиками СССР. В форме, например, *Вялікая Айчынная вайна* в Белоруссии⁴⁵.

В Германии помимо терминов «Русский поход» (*der Russlandfeldzug*), Восточный поход (*der Ostfeldzug*), говорят о «Германо-советской войне» (*Deutsch-Sowjetischer Krieg*)⁴⁶. В англоязычных странах применяют протоколно-сухой термин «Восточный фронт Второй мировой войны» (*Eastern Front World War II*)⁴⁷.

От названий зависит больше, чем кажется. Созданное Сталиным название позволяет из грандиозного события мирового масштаба, Второй мировой войны 1939–1945 годов, произвольно вырезать кусок, которому придается свое самостоятельное значение.

Во всех исторических книгах, монографиях, учебниках утверждалось, что Великая Отечественная – самая важная часть Второй мировой. Что именно в Сталинграде «русские» «сломали хребет фашистскому зверю», и именно с этого начался перелом в ходе всей Второй мировой⁴⁸.

В этом нет русской специфики. Похожим образом действуют американцы, провозглашая самыми важными событиями Второй мировой войны военные действия на Тихом океане между американской и японской армиями и флотами. Они считали важнейшим поворотным событием всей Второй мировой войны битву за атолл Мидуэй в 1942⁴⁹.

Так же точно английские историки провозглашают главным решающим сражением Второй мировой войны Эль-Аламейн в Северной Африке⁵⁰. Советские историки считали главным событием Второй мировой войны сражение под Сталинградом в 1942–1943 гг. («самую выдающуюся победу в истории великих войн»)⁵¹.

В японской 100-томной истории Второй мировой войны аж в 3 томах упоминаются другие воюющие стороны, кроме Японии и США.

Само по себе «перетягивание одеяла» на себя довольно обычно: историкам многих стран хочется, чтобы основные события Второй мировой совершались бы с участием «их» армий.

Но в этом названии – «Великая Отечественная» присутствует эмоциональный, пропагандистский заряд. Американцам ведь хватило совести не называть битву на Тихом океане Великой Отечественной войной американского народа.

А советским пропагандистам нужно было оторвать события 1939–1941 годов от того, что происходило после нападения Гитлера. Название это и делает.

До сих пор только одна группа историков дала этой войне название, которое вообще можно принимать всерьез: «советско-нацистская»⁵².

Во Второй мировой войне воевали вовсе не Россия и Германия. Тем более вовсе не русские воевали с немцами.

В составе вермахта к началу Второй мировой войны служили 3 214 000 человек. На 22.06.1941–7 234 000. В 1943 году численность вермахта достигла 11 миллионов человек. Всего в 1939–1945 г. в вооруженные силы Третьего Рейха было призвано 21 107 000 человек. Из них этническими немцами были порядка 10 500 тысяч человек. Остальные были подданными Рейха – но не этническими немцами⁵³.

В вермахт призывали не по расовому или не по национальному принципу. А по принципу гражданства. В частности, этнический еврей признавался таковым только в двух случаях: если он исповедовал иудаизм и если он был записан в еврейскую общину. Во всех остальных случаях его призывали в армию на общих основаниях, и «еврейских солдат Гитлера» было больше 150 тысяч⁵⁴.

В числе союзников Германии, участвовавших во Второй мировой войне, – Румыния, Венгрия, Словакия, Италия и Финляндия. Румынские и словацкие войска не входили в вермахт, но на Восточном фронте воевали⁵⁵.

В числе прочих в составе вермахта воевали не менее миллиона этнических русских, которые были до этого гражданами СССР⁵⁶.

В составе элитнейших частей СС, своего рода гвардии Третьего Рейха, «интернационал» еще больший: в СС было много добровольцев. Из 38 дивизий Waffen-SS, участвовавших во Второй мировой войне, только 12 были немецкими. Этнический же состав эсэсовцев отличался предельным разнообразием.

Сначала в национальные формирования SS входили представители «родственных» германских народов – датчане, голландцы, норвежцы, фламандцы. Потом к ним присоединились валлоны, финны, шведы, хорваты, французы. Были добровольческие легионы «Нидерланды», «Фландрия», «Norge»; добровольческий корпус «Дания», Британский добровольческий корпус, итальянская, французская, венгерская, хорватская, балканская (мусульманская), валлонская, украинская, белорусская, латвийская, литовская, эстонская, испанская, русская дивизии, финский добровольческий батальон, сербский добровольческий корпус, румынский и болгарский полки. Были даже такие экзотические соединения, как Индийский добровольческий легион, Кавказский и Среднеазиатский легионы, мусульманская дивизия «Новый Туркестан», Восточно-тюркское соединение для башкир и караимов, грузинские, азербайджанские армянские соединения, волжско-татарский легион⁵⁷.

Была также дивизия СС «Богемия-Моравия» из жителей протектората – чехов и фольксдойче, многочисленные литовские полицейские батальоны и даже литовская Армия освобождения «Меха Кати» – «Дикая кошка» генерала Импулявичуса, греческие отдельные формирования.

22 июня 1941 года 20 % состава нацистских войск составляли не-немцы. Позже их было до 30 %⁵⁸. Даже в элитных эсэсовских частях типа «Лейбштандарт Адольф Гитлер» этнических русских было до 7–8 %. Стоит сравнить: даже в апреле 1945 все союзные Красной Армии войска составляли всего 12 % ее численности.

На стороне СССР воевали представители всех 120 народов Советского Союза, а кроме того французы, британцы, американцы, китайцы, немцы и японцы⁵⁹.

СССР изначально был уникальным государством, в названии которого не был никаких географических привязок. Третий Рейх, к 1941 году захвативший Нидерланды, Лихтенштейн, Бельгию, Норвегию, Данию, Чехию, Польшу, большую часть Франции, Грецию, Югославию, был громадным многонациональным государством.

И Третий Рейх и СССР были глубоко идеологическими, многонациональными государствами. Их жителей объединяло не происхождение, а идеология и подданство. Они имеют очень косвенное отношение к исторической Германии и к исторической России.

Попытки представить Вторую мировую войну как войну «русских и немцев» уже поэтому совершенно абсурдны.

СССР и Третий Рейх не были также исторически сложившимися империями, территориальное расширение которых отражало бы тенденции развития этих территориально-политических организмов. Это были империи особые – ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ. На примере Советского Союза особенно хорошо видно, что само понятие «Отечества» идеологической системе чуждо. Если слово «отечество» и применяли в СССР 1922–1941 годов, то только в значении «отечество пролетариата».

Если цель идеологической империи – завоевание всего земного шара и установление мирового господства, то вообще о каком «Отечестве» может идти речь? До 1941 года речь об «отечественной войне» и не шла.

Взывая к «крови и почве», национал-социалисты были ближе к идее «отечества», но и они к тому времени завоевали и подчинили почти всю Европу, объединили государства с разным политическим строем. Единственной реальной целью этой «сборной Европы» под руководством национал-социалистической Германии было все то же мировое господство. «Сегодня нам принадлежит Германия \ \ А завтра – весь мир!»⁶⁰

В советско-нацистской войне 1941 года ни СССР и коммунистические власти, ни Третий Рейх и нацистская верхушка не могли иметь никаких других целей, кроме мирового господства и торжества своей идеологии. Это была война не «Отечеств», а война «Европейского Антикоммунистического Интернационала» против «Коммунистического Интернационала». Обоим интернационалам были глубоко чужды и даже враждебны такие понятия, как «Отечество» в смысле «национального очага».

Великая отечественная? Для кого?

Наверное, миф о «политическом единстве советского народа» – самый подлый и самый лживый из тезисов официальной советской пропаганды.

К 1939 году в СССР было множество людей, вовсе не разделявших воззрения коммунистов, а то и враждебных этим идеям. Не будем даже говорить, что в зарубежье жило до миллиона активных врагов советской власти и что они охотно работали на финскую, германскую, американскую, китайскую, японскую разведки и армии⁶¹.

В самом СССР число только «сосланных кулаков» достигало почти 2 млн человек. С 1929 по 1941 г. число советских перебежчиков в Финляндию, Китай и Персию, Румынию и Польшу исчисляется, по крайней мере, десятками тысяч человек. Во время Великого Голода 1931–1932 годов в Казахстане из СССР откочевало порядка 1 млн казахов.

В 1941 году Красная Армия частично разбежалась, частью сдавалась в плен батальонами, полками и чуть ли не дивизиями. Число сдавшихся называют разное: от 4,5⁶² млн до 5,4 млн⁶³.

Приблизительность цифр доказывает одно: толком никто не считал.

Многие из них шли в добровольные помощники, «хильфсвиллиге», и ведь хотя бы часть этих людей шла в вермахт не только подчиняясь насилию, но и идейно.

Известно, что в вермахте служило много жителей Советского Союза: 310 тысяч русских, 53 тысячи казаков, 250 тысяч украинцев, 110 тысяч человек из народов Северного Кавказа, волжских татар – 40 тысяч, крымских татар – 20 тысяч, других тюркских народностей – 180 тысяч человек. Это на начало 1945 года, и к тому же в это число не входят эстонский, латышский легионы СС, несколько литовских батальонов СС⁶⁴.

Если граждане одной страны воюют во враждующих армиях – то что это, если не гражданская война?!

Казаки в 1941 г. раскололись на прокоммунистические и пронацистские силы. В Красную Армию призвано было до 70 тысяч казаков⁶⁵. А в вермахте служило до 50 тысяч казаков⁶⁶.

Крымские татары, народы Северного Кавказа (чечены, карачаевцы), Поволжья (калмыки) дали примерно одинаковое количество добровольцев в вермахт и в Красную Армию⁶⁷.

Если это не раскол народа и не гражданская война, то что же это?

Как видно, во время событий 1941–1945 гг. между собой воевали не только и даже не столько национальные силы, сколько политические. Сидели в окопах друг напротив друга, стреляли друг в друга из пушек и ружей, сходились в рукопашных люди одних народов. И в огромном большинстве случаев речь шла не об «отдельных отщепенцах» – это позднейшая пропагандистская утка, речь идет о расколе народов по политическому принципу.

Число «перемещенных лиц» в Германии на 1945 год неизвестно. Согласно официальной советской статистике, в 1945 г. «вернулись на родину» 5 236 130 человек, трудившиеся в спецлагерях, носившие на одежде специальный знак «Ост»⁶⁸. Статистика наверняка не полна: слишком многие пытались спрятаться, сбежать, укрыться от возвращения в СССР.

В «Декларации об освобожденной Европе» державы дружно заявляли, что они будут согласовывать свои действия при решении политических и экономических проблем Европы после войны. На Крымской конференции декларировалось, что все народы Европы смогут «создать демократические учреждения по собственному выбору»⁶⁹.

Возникает, правда, вопрос: а что, если выбор народа – фашизм? А если – национал-социализм? В конце концов, Гитлер пришел к власти в Германии путем честнейшей победы на демократических выборах.

Ах! О таких ужасах у нас до сих пор не принято говорить!!!

Туда же еще один вопрос: а что, если народ или какая-то часть народа категорически не хочет именно коммунистического режима? Или коммунизма вообще, ни в какой форме, или в форме сталинизма?

Фактически это и происходило. Для части подданных СССР война и правда была Отечественной. В этом отношении характерна оборона Брестской крепости.

По планам нацистов, они должны были овладеть пограничной Брестской крепостью к 12 часам дня 22 июня. В 3 часа 15 минут по крепости открыли ураганный огонь. В 3.45 начался штурм. К 9 часам утра больше половины гарнизона бежало. Остальные 3–4 тысячи человек перешли в контратаку. С этого времени началась крайне ожесточенная борьба буквально за каждый метр и за каждое помещение.

Возглавили оборону майор П. Гаврилов, комиссар Фомин и капитан Зубачев. Старшие офицеры давно сбежали.

Ежедневно защитникам крепости приходилось отбивать 7–8 атак. Нацисты применяли легкие танки и огнеметы. 29–30 июня нацисты предприняли непрерывный двухдневный штурм крепости, овладели штабом Цитадели, взяли в плен до 400 человек, в том числе И. Н. Зубачева и Е. М. Фомина. Один из пленных тут же выдал Фомина как комиссара. Его тут же расстреляли. Зубачев впоследствии умер в лагере для военнопленных.

Организованная оборона крепости на этом закончилась. Оставались изолированные очаги сопротивления, их подавили в течение следующей недели. Остались одиночные бойцы, собиравшиеся в группы и вновь рассеивавшиеся в подземельях крепости. Некоторые смогли прорваться из крепости и уйти к партизанам в Беловежскую пущу. Большинство погибли или сдавались поодиночке. Подробности мало известны. Надписи на стенах крепости сохранились до сих пор. «Нас было пятеро Седов, Грутов, Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22 июня 1941. Умрем, но не уйдем отсюда. 26 июня 1941». «Умираем, не срамя». «Умрем, но из крепости не уйдем». Одна из надписей на стене в подвале крепости гласит: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20. VII. 41 г.». Подписи нет⁷⁰.

А для другой части подданных СССР, людей разных народов, эта война Отечественной не была. Потому что они духовно не принадлежали к советской цивилизации и «советскому народу» как особой общности людей. Они могли придерживаться разной тактики: стараться не участвовать в войне ни на какой стороне; честно служить в вермахте; стараться создавать русские национальные части и даже целые автономные районы⁷¹.

В любом случае советско-нацистская война 1941–1945 годов не была для них Отечественной уже потому, что они не были ни нацистами, ни коммунистами.

Во Второй мировой войне победил не русский народ, не созданная им Российская империя и не мифическая «Евразия». Победил Советский Союз – государство «новой общности людей», советского народа. В Берлин вошла армия без нательных крестов и полковых священников, но с масонскими звездами на фуражках, пуговицах, танковой броне и фюзеляжах самолетов, с обращением «товарищ» и красным знаменем.

А проиграл Вторую мировую войну Третий Рейх – государство со свастиками на пуговицах, пряжках, танках и самолетах, под красным знаменем и символикой «национал-социалистической рабочей партии».

Сказанное нимало не умаляет героизма и нацистов, и коммунистов, закрывавших своими телами амбразуры и направлявших самолеты на вражеские колонны. Но оценку войны меняет полностью. Оценка советско-нацистской войны как Отечественной навязали политически: силой политического террора.

Но стоило ослабить давление – и миф «посыпался». Без террора же эта война не стала и никогда не сможет стать подлинно Отечественной и Народной.

Параллельные мифы

Не надо думать, что мифы о Второй мировой войне и ее локальных фронтах рассказывались только в СССР, а теперь рассказываются только в «странах бывшего СССР». О некоторых британских и американских мифах я уже говорил.

Французы тоже много чего придумали, – например, будто правительство Виши было нелегитимно, а бунтовщик Шарль де Голль это и есть законный представитель народа. Период, когда Франция была союзником Гитлера, и французско-британскую войну 1940 года подвергли торжественному забвению, как страшный сон.

И эти, и все остальные исторические мифы созданы очень просто: победители придумали подходящие сказки о войне уже после окончания боевых действий. Все придумали такую войну, какую им удобно иметь в прошлом.

Но в СССР сама по себе попытка «засекретить» подлинную историю Второй мировой сыграла со Сталиным злую шутку. Он запретил своим военачальникам писать мемуары о ВМВ? Ну а гитлеровским генералам никто этого не запрещал... И в результате весь мир изучает «Восточный поход» по мемуарам Гальдера и фон Браухича. Фантастика: но важнейшим источником стали мемуары генералов проигравшей войну армии. А победители были лишены права слова! Причем лишены своим же собственным руководством... Вряд ли Иосиф Виссарионович хотел добиться такого эффекта: чтобы о «Великой Отечественной» рассказывали бы генералы Адольфа Алоизьевича. Но его попытка утвердить свои мифы в международном масштабе привела только к тому, что утвердились мифы этой проигравшей стороны, с «их» набором мифологических существ: «генералом Морозом», «госпожой Распутицей», загадочной русской душой и злобным Сталиным.

Неумелому танцору очень мешают штаны. Генералам, проигравшим мировую войну, очень мешают морозы, распутица, грязь, плохие дороги и неправильное устройство Вселенной.

Еще мешает политическое руководство, которое не позволяет в полной мере проявиться военному гению генералов и одолеть ненавистного врага.

Особенно же сильно им мешает противник, который ведет себя неправильно и применяет некультурные способы ведения войны.

Именно о том и повествуют все мемуары гитлеровских генералов: как им мешали выиграть войну. Только вот на один вопрос эти мемуары не отвечают... На вопрос о том, как же это генералы не приготовились к тесному общению с генералом Морозом, не предусмотрели распутицы, скверных дорог и тем более – сопротивления неприятеля?

Что до помех собственного руководства... Оно было, тут не о чем и говорить... Но каким же идиотом надо быть, чтобы допустить в стране такое правительство, как Адольфа Алоизьевича Шикльгуберова?

И каким же надо быть поганцем, чтобы воевать за такое правительство, пытаться навязать его всему миру, осуществлять его бредовые решения?

Мифы советских «демократов»

В раже разрушения традиционных советских мифов многие додумываются до совершенно фантастических утверждений. Вплоть до того, что нашествие Гитлера было «крестовым походом против коммунизма»⁷². Неоязычник Гитлер в роли современного Симона де Монфора? «Черные СС», практиковавшие языческие культы, в роли крестоносцев Ричарда Львиное Сердце? Сильно сказано!

Демонтаж сталинского мифа после Сталина

После смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС многие детали мифа были пересмотрены. Во время «перестройки» изменилось еще больше.

Стали еще откровеннее писать о потерях, в том числе о потерях мирного населения. Например, стали писать о голоде в СССР времен войны. Раньше тема была абсолютно запретной.

Стали писать о заградительных отрядах – тоже абсолютно запретная тема.

Стали писать о том, что не «фашисты» убили польских офицеров в Катыни, а НКВД⁷³.

Но оставались неизменными главные тезисы:

- 1) О вероломном нападении без объявления войны
- 2) Участие СССР во Второй мировой войне начиналось с 1941 года
- 3) О военно-технической слабости СССР
- 4) О военно-техническом преимуществе вермахта
- 5) О моральной правоте СССР в этой войне.

Какие бы части мифа и как ни изменялись, на месте оставалось главное: «они» планировали войну, мы не хотели войны. Все «наши» действия до 1941 года объясняются вынужденной самообороной. Тут основные положения самого Сталина⁷⁴ почти не отличаются от мнений, высказанных в самое последнее время. Равным образом в обобщающих концептуальных работах⁷⁵, равным образом в посвященных частностях⁷⁶.

Мы воевали с Финляндией, захватывали Прибалтику, Буковину и часть Речи Посполитой потому, что обстановка нас к этому вынуждала.

22 июня 1941 года «они» без предупреждения напали на «нас». Они были очень сильные, «мы» были слабее «них». Ценой колоссальных потерь «мы» сумели остановить вражеское наступление. Ценой подвига тыла «мы» сумели создать нужное количество вооружений и разгромить ненавистного врага.

Какие бы преступления ни совершались советской стороной и какие бы безобразия ни творились, но «мы» были правы, а «они» были не правы. «Мы» добились Великой Победы, и наша слава будет сиять в веках... И тут пришел Виктор Суворов.

Часть концепции Суворова бесспорна просто потому, что подтверждается документами. Это только в СССР «ничего не знали» про секретные пункты Пакта Молотова–Риббентропа и про подготовку наступательной войны в СССР. На Западе и документы печатались, и вспоминать не запрещалось. И мемуары Черчилля печатались не для верхушки чиновников.

Открытия архивов не будет

Надо четко и навсегда понять: нет смысла ждать какого-то «открытия архивов». Никакого «открытия архивов» не будет. Никогда. Сам факт того, что архивы закрыты, свидетельствует: в этих архивах лежат документы, опровергающие официальную точку зрения. Иначе зачем их скрывать?

В 1940 году Рудольф Гесс перелетел в Англию в миссией, о которой мы почти ничего не знаем. Британцы объявили Гесса преступником, а в 1987 году убили 93-летнего Гесса. Неужели они позволят узнать, для чего он прилетел и какие переговоры с ним велись?

Черчилль приложил колоссальные усилия, чтобы убить Муссолини и похитить восторженные письма, которые он ему писал. Неужели британцы откроют архивы? Если и откроют, то сначала уничтожат все, что их не устраивает.

Точно так же и в СССР наворотили сказку на сказку и миф на миф...

Неужто теперь позволят с фактами в руках опровергать эти сказки и мифы?

Нам же следует четко и навсегда уразуметь: не будет никакого «открытия архивов». Не для того создавались и пропагандировались всеми силами сталинские мифы, наворачивали сказку на сказку и миф на миф, чтобы теперь позволить их взять и разрушить.

Но одновременно и тоже очень четко следует проговорить: у нас вполне достаточно знаний, чтобы восстановить картину происшедшего. Это и делает Суворов. Его концепция проста и стройна:

1) Сталин приготовил громадную, прекрасно вооруженную армию, сильнее любой из армий Европы.

О мотивах Сталина часто можно только догадываться, но факт остается фактом: громадная армия – была! Это делает понятным характер вооружений и подготовки Красной Армии, даже ее официальную идеологию: «воевать малой кровью и на чужой территории»⁷⁷.

2) Сталин планировал вырастить «ледокол революции», который начнет большую европейскую войну, разнесет как можно больше, учинит максимальную смуту. А громадная армия вторжения, Красная Армия придет последней на эти развалины Европы⁷⁸.

3) Удар по Европе должен был начаться в июле 1941. Отсюда и «странности»: разминированные мосты в приграничной зоне, отпуска офицерского состава накануне нападения Гитлера, карты зарубежья при отсутствии карт своей территории. Понятно, почему не придавалось значения всем показаниям и перебежчиков, и собственной разведки. Сталин считал, что подготовка к войне Гитлера уже не имеет значения: он все равно успеет первым. Гитлер совершил самоубийство⁷⁹.

4) Но Сталин просчитался: Гитлер его опередил! И как опередил: громадная Красная Армия оказалась не эффективной в обороне и покатила назад. Она «готовилась к совершенно другой войне»⁸⁰.

Эта часть концепции Суворова вряд ли может быть опровергнута. Она не подтверждена документами? Но ТАКИХ документов никто никогда не оставляет. Если документы и были – они давным-давно уничтожены.

Но Суворов собирает массу прямых и косвенных свидетельств, данных, сведений, показаний. Разные сведения, полученные разными способами, ложатся в стройную, как собранные пазлы, картину.

Причем вся официальная наука до сих пор никакой концепции Великой Отечественной войны создать оказалась не в состоянии. Шеститомник 1960-х сводится к формуле: «Войну выиграл Хрущев». 12-томник 1970-х – к формуле «Войну выиграл Брежнев». А концепции нет. Содержание и даже структура официальных многотомников затруднены усложнены...

А одновременно «истории, которые нам рассказывали – это баллады для толпы, для широких народных масс, для непосвященных». А параллельно с ней «за броневой дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, за звериным оскалом караульных собак, за бдительным взглядом «Особого отдела», защищенная допусками, печатями, учетными тетрадами, инструкциями по секретному делопроизводству хранится совсем другая история той же войны»⁸¹.

Суворов прав: разрушить его концепцию крайне просто. Надо только создать стройную официальную концепцию, которая не оставляла бы недоуменных вопросов. Дать на все острые вопросы другие ответы, чем Суворов – но ответы такие же или еще более убедительные. Пока что получается кисло: его концепция вызывает чисто эмоциональную реакцию, почти детские «обзывалки», но вот серьезной аргументации как-то не слышно. Наверное, оппонентам Суворова кажется сильным ходом обозвать несогласных «резуноидами» или «предателями». Но только официальная версия Второй мировой от этого не появляется. И правда: где же официальная версия?!⁸²

На мой взгляд, Виктор Суворов не просто вскрыл некую неприглядную правду. На мой, быть может, слишком циничный взгляд, все стороны были одинаково «хороши». Сталин часто оказывался хитрее и дальновиднее других, но в моральном отношении и Гитлер, и деятели «демократии», в том числе У. Черчилль, его совершенно не лучше⁸³.

Обманутые советские люди

Впрочем, тут может быть различие взглядов людей двух цивилизаций. Глубоко советский человек, Виктор Резун-Суворов искренне разочаровался. В духе: «представьте, живете вы с прекрасной женщиной год, два, десять... И вдруг узнаете, что у вашей любимой, обожаемой женщины темное грязное прошлое. Настолько темное, что попытка проникнуть в него грозит смертью. Вам попросту отрежут голову, если только рыпнетесь что-то выяснять»⁸⁴.

Я не понял только, имеется ли в виду под «прекрасной женщиной» Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Советская армия или, святая сила с нами, революция.

Не будучи советским человеком, автор этих строк и не испытал такого разочарования.

Но самое главное – не в каких-то зловонных тайнах тут дело. В. Суворов, независимо от своего желания, совершил деконструкцию двух мифов, очень значимых для национального самоопределения и немцев, и народов СССР, особенно русских.

Немцам Суворов сказал, что это не они начали войну. Войну подготовил Сталин, а Гитлер был только «ледоколом революции», который Сталин пытался использовать.

Советским людям он сказал, что у СССР не было технического отставания. Наоборот! У них было как раз техническое превосходство!

Тема этого превосходства, количества и качества советских вооружений для Суворова настолько важна, что трудно даже сослаться на какое-то определенное место.

В целом эта сторона его исследования довольно убедительна, хотя не обходится без создания новых мифов. Авторских мифов Суворова. Суворов невероятно много пишет про вооружения, технику, военные приказы, горючку, рода войск, время извлечения приказов из конверта, разминированные мосты и так далее.

Но он совершенно не пишет об общественной психологии тех, кто выполнял приказы и приводил в действие вооружения.

И объяснения побед и поражений у него тоже сводятся к материально-техническим моментам.

Куда девалось громадное количество вооружений, заготовленных в СССР после начала войны? Суворов-Резун отвечает, ничтоже сумняшеся: всю подготовленную технику и вооружения нацисты уничтожили в первые дни, чуть ли не первые часы войны.

Было это все, было! Готовился Сталин к захвату Европы! Но уже загнанный в угол «ледокол революции», Гитлер в последний момент нанес упреждающий удар и уничтожил, разбомбил и пожег фантастическое количество оружия, снаряжения и техники.

Выглядит не особо убедительно. Даже непривычно после всегда убеждающих умозаключений Резуна.

Продолжение деструкции мифа

Для того, чтобы дать более внятное объяснение, потребовался другой человек: М. Солонин.

Марк Солонин заговорил о «человеческом факторе». О той элементарной истине, что всякая военная техника приводится в действие людьми. Что мало проку даже от огромного количества самых хороших самолетов, если летчики на них – с низкой квалификацией. Стоит сравнить часы налета у нацистских и советских летчиков, и различия в их квалификации становятся предельно ясны⁸⁵.

Всякое оружие, как и абсолютно любая техника, требует квалификации для применения. Чем сложнее техника – тем и квалификация выше. Проще всего – бежать в атаку с дегенеративным воплем «Уря-я-я-я!!!!!!» и палить от бедра в белый свет как в копеечку из любимого сталинского пистолета-пулемета, символа современных вооружений. Уже винтовка требует более серьезного обращения и осмысленного применения. Еще сложнее приводить в движение танк, пулеметный ствол, артиллерийское орудие.

Солонин показывает на множестве примеров, что солдаты и офицеры Красной Армии попросту не обладали нужной квалификацией. По существу, они губили доверенную им технику или в лучшем случае использовали ее на незначительную часть возможного⁸⁶.

Очень интересная тема: при всем своем декларативном «демократизме» советская система ни в какие времена не была способна работать на человека и использовать его потенциал. Сталин и его сарычи, прозванные «соколами», искренне полагали, что колоссальные армии и громадное количество оружия и техники само по себе сделают их непобедимыми. И, как обычно, проиграли – именно потому, что не учитывали «человеческого фактора».

Пока не будем развивать эту тему, вернемся к Солонину.

Марк Солонин нимало не отрицал всего сказанного Суворовым... Он на Суворова опирался. В этом смысле Солонин, конечно, не ученик Суворова, но его последователь. «Если я вижу далеко, то это потому, что я стою на плечах гигантов», – сказал в свое время Чарльз Дарвин. С плеч Суворова его последователь сумел увидеть дальше того, кто первым вошел в эту дверь.

Он просто делает следующий шаг.

Марк Солонин показал, что нацисты не уничтожили накопленное для захвата Европы. И не истребили Красную Армию. Все проще: в 1941 году Красная Армия попросту разбежалась. Приграничные части состояли из жителей западных областей СССР, «присоединенных» к СССР в 1939 году. При первых же ударах они побежали... А потом разбрелись по дома. В 1944–1945 годах в Красной Армии насчитывалось 3 млн. «повторно призванных»: тех, кого вновь пошедшая на запад Красная Армия призвала второй раз⁸⁷.

Вот теперь, после Солонина, все становится окончательно ясно!

Миф оказывается окончательно демонтированным.

Как «воюют» с Суворовым

Порой власти совершают просто анекдотические шаги. Вот сейчас у меня в руках книга без выходных данных. Нет сведений, кто ее издал, каким тиражом и какая типография ее печатала. Но эта книга на прекрасной бумаге и с очень хорошими фотографиями издана Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским советом мира и согласия. Называется она «Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции». СПб., 2010. Это материалы одноименной конференции, состоявшейся в правительственном Смольном 25 ноября 2009 года. Опубликовано 14 докладов – и все статусных людей, в основном с учеными степенями.

Какая-то новая информация – в 2–3 статьях, не более. Все остальные посвящены «критике» идей Суворова и в меньшей степени – Солонина. Уровень полемики таков: «В своей книге Резун безосновательно пытается внедрить свои идеи о том, что война велась между двумя тоталитарными режимами, и СССР будто бы первым готовился напасть на Германию, но Гитлер просто опередил Сталина»⁸⁸.

В этой же статье досталось и Подрабинеку, который «посмел» назвать свою шашлычную «Антисоветская»... Видимо, автор борется за советский строй? Она – соратник И. В. Сталина? Продлись мутные дни ГКЧП и «раннего ельцинизма», такой вопрос был бы ударом в солнечное сплетение.

Досталось и протоиерею Г. Митрофанову, который в своей книге осмелился «провозгласить главным героем предателя Власова», «а не настоящих героев-воинов, победивших фашизм и спасших Россию и всех нынешних русофобов в том числе, ценой своей жизни»⁸⁹.

Анализировать не хочется, да и ни к чему. Главное – книга-то без адреса. До массового читателя она не дойдет, да и явно не для него выпущена. Власть зачаровывает, как сирена, сама себя, повторением древних стереотипов. Какой-то историко-литературный онанизм.

Контрреволюционный кот Михаил, или Мифы о самом Суворове

Мифология личности Виктора Резуна – сама по себе тема увлекательная. Причем те, кто относится к Виктору Суворову нормально, мифов не сочиняют. Как-то мы исходим из того, что это человек как человек и сделал совсем не плохо дело, заслужил свое место и в истории, и на книжной полке.

А вот злобствующие «антирезунисты» и «суворовофобы» накатали уже целые библиотеки. Интересно было бы подсчитать, о ком пишут больше – о Перуне, князе Рюрике или о Резуне?

В одной из своих статей Виктор Суворов выражает даже некоторое сожаление: всех его родных и близких обмазали дерьмом с головы до ног, а вот кота Михаила почему-то не тронули. Даже как-то обидно за котика.

На самом деле о близких и родных Суворова тоже еще не все сказано. Например, я нигде пока не встречал сообщений о том, что Татьяна Резун летала на помеле и приохотила свою дочку к участию в «черных мессах». Или о некрофильско-зоофильских наклонностях сына или отца Виктора Резуна. Наверное, это вопрос или времени, или богатства фантазии его «критиков».

Но кота и правда жаль: о нем почти не сообщается никаких гадостей. Я готов восполнить этот пробел: надо же разоблачить контрреволюционного котяру! А то ходят тут всякие хвостатые, а потом из сейфов сверхсекретные документы пропадают.

Так вот, этот кот – явный кошачий педераст, алкоголик и аморальный тип. Он тоже сбежал в Британию, потому что английские агенты налили ему полное блюдо валерьянки. Он так до сих пор без перерыва лакает валерьянку, трахает окрестных котов и порой приносит в зубах секретные документы из разведок разных стран мира. Втирается в доверие, садится возле штаб-квартиры, мокрый и голодный, делает вид, что он свой... Его жалеют, начинают прикармливать и постепенно запускают внутрь. А подлый котище улучает момент, когда все шпионы мирно дремлют, а сейф открыт настежь... Он прыг! Хватает самый секретный документ – и бежать. А все за валерьянку и анусы окрестных котов старается, сволочь!

Узнав о преступлениях кота Михаила, его дед, простой деревенский кот Василий, упал в обморок, а потом заливался слезами и жалостно выл, проклиная гадкого Михаила. Сам залез в мешок, сунул туда камень, завязал мешок и утопился.

Я охотно дополню все бредни о Суворове взволнованным рассказом про его контрреволюционного кота-предателя. Развлекаться можно бесконечно.

...Потому что любые истории про Суворова вообще совершенно не важны.

Не имеет значения, хороший он человек или плохой, предатель он или «честный» военный разведчик, в данный момент выполняющий задание ГРУ. Не имеет значения, врал он про «Аквариум» или рассказывал святую правду. Все это не важно в той же степени, что и происки кота Михаила – агента британской разведки.

Потому что самое главное Суворов уже сделал. Человек моноидеи, он уже сдвинул сознание миллионов людей. Мое в частности. Ученики пойдут... уже пошли дальше учителя; они будут давать объяснения страшной военной эпохе, ссылаясь на «Ледокол».

Впереди еще момент, когда Суворову настанет пора поставить памятник или уж хотя бы повесить мемориальную доску. Мы не обязаны быть зверски серьезными в любой момент времени... Лично я бы изобразил Суворова с котом Михаилом под мышкой.

Почему это опасно?

На первый взгляд, довольно забавны потуги бороться с «ревизионизмом», то есть с переосмыслением хода и содержания Второй мировой войны путем шельмования «ревизионистов» или «противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Смешно и глупо – не более.

В действительности такие попытки не только отвратительны с точки зрения морали и нравов цивилизованного общества, но и очень опасны.

Во-первых, никакие исторические вопросы тем самым не снимаются, проблемы не разрешаются, знание не появляются. «Знание» и «изучение» истории сводятся к произнесению ритуализованных формул, выполняющих принципиально такую же роль, как молитвенные формулы-заклинания язычника.

А все, что породило истеричную реакцию властей, осталось на месте неразрешимым проблемным комком.

Во-вторых, даже «запреты на профессии» – намного меньший откат к правовым и культурным нормам Средневековья, чем «запреты на мнения». Они идут вразрез с тем уровнем интеллектуальной и гражданской свободы, которые уже достигнуты во всем мире и составляют часть цивилизованной жизни. Это и право и на получение любой, в том числе нелицеприятной, информации, и на высказывание своего отношения к событиям, и на то, чтобы находиться в меньшинстве, не подвергаясь шельмованию или репрессиям.

В-третьих, сознание россиянина шизофренически раскалывается: в точности как в недоброе советское время. Тогда надо было верить, что за нерушимый блок коммунистов и беспартийных проголосовали 99, 98 % избирателей. Теперь надо верить, что Красная Армия летом 1941 года шла в бой с плохими старыми ружьями и потому проиграла. При коммунистах нельзя было знать, что Красную Армию создал Троцкий, и не надо было думать о роли ЧК. Теперь нельзя знать о массовом коллаборационизме и не стоит задумываться, как попали в плен к нацистам несколько миллионов солдат и офицеров Красной Армии. Такое же расщепление сознания.

В-четвертых, россиян заставляют отождествлять себя с солдатами Красной Армии 1941–1945 годов. Мир изменяется – а население страны должно жить по мифу времен если не Сталина, то Брежнева. Опять раскол сознания, человек застревает между эпох.

В-пятых, из россиян выращивают носителей агрессивной групповой идеи – что-то вроде членов тоталитарной секты. Опять же раскол – только теперь между Россией и остальным миром.

Впрочем, выращивать свои локальные модели исторических событий стараются и другие государства. Если вырастят – получится крайне плохо. Уже потому, что различия в понимании исторических событий разведет людей так далеко, что договариваться им станет непросто. И останется только воевать.

Какую историю Второй мировой нам предстоит написать?

Сам Суворов высоко оценил работы Марка Солонина. Как часть той истории ВОВ, которую нам еще предстоит написать. Какой же должна быть эта история?

Несомненно, Вторая мировая война была войной могучих государств. В ней приняло участие 61 государство, из которых 37 приняли непосредственное участие в боевых действиях. На территории этих стран проживало свыше 80 % населения земного шара. Военные действия охватили территории 40 государств.

История ВОВ – это история целей каждого из этих государств и их блоков. Это история их действий – экономических, дипломатических и военных.

Для всех государств-участников цели этой войны больше походили на задачи гражданской войны, чем на задачи национальной.

Во Второй мировой войне участвовали государства с разным политическим строем. Каждое из них стремилось навязать свой политический строй побежденным.

Национальные войны не велись за изменение политического строя. Первая мировая война 1914–1918 годов велась за престиж и богатства своих народов. Немцы и австрийцы хотели стать главными в Европе, а тем самым и в мире. Они хотели отбить у англичан и французов как можно больше колоний, чтобы самим грабить Африку и Южную Азию. Англичане и французы воевали за то, чтобы остаться главными в Европе, а тем самым и в мире. Они сами хотели продолжать основывать рудники и плантации в Индонезии и в Африке.

Во время Второй мировой войны и СССР и Третий Рейх не были национальными государствами. Это были идеологические империи, объединявшие людей разных народов и разных цветов кожи. Эта война велась не только и не столько за международный статус и богатство, сколько за право нести и навязывать свою идеологию всему человечеству.

Ни одно государство, участвовавшее во Второй мировой войне, не сохранило прежний политический строй.

После Второй мировой войны изменились не только международная политическая система, границы и сферы зон влияния. Изменилась политическая карта внутри всех государств-участников. Говорить об этом до сих пор считается очень неприличным, но это так.

Война народов

Воевали государства. Но в ходе Второй мировой войны АБСОЛЮТНО ВСЕ народы Европы вели и гражданские войны. Это были войны между гражданами одной страны, с разными политическими убеждениями и разными представлениями о желательном будущем. Во многих странах (Франция, Польша, Советский Союз, Венгрия, Болгария, Испания, Австрия) гражданская война была не менее жестокой, чем война национальная

Во время национальных войн на полях сражений встречаются подданные разных государств, давшие присягу своей национальной армии. Германская империя воевала в 1914–1918 гг. с Французской вовсе не из идейных соображений. Государства утверждали свою власть, доказывали, какое из них сильнее. Верноподданный гражданин честно помогал своему государству.

Во время национальных войн перебежчиков и предателей всегда единицы. Они предают или из страха смерти, или из самых подлых, шкурных побуждений, прельстившись на деньги. Все армии используют предателей, но их никто никогда не уважает. А если «свои» ловят предателя, его жизненный путь быстро заканчивается на виселице.

Во время Второй мировой войны не было народа, представители которого не воевали бы друг с другом в составе разных армий. Даже маленькие народы ирландцев, сербов, чеченцев, крымских татар и болгар воевали друг с другом, надевая форму вермахта или Красной Армии. Эти люди расходились по разным враждующим армиям не потому, что им платили деньги, а потому, что таковы были их убеждения.

Если в стране были свои вооруженные силы, то разные армии одного народа воевали на разных сторонах фронта. И тоже совсем не потому, что прельщались на денежки.

Друг с другом такие армии одного народа воевали еще более яростно, чем с вермахтом и Красной Армией. В Польше Армия Крайова и Армия Людова вели кровопролитные сражения. Во Франции коммунисты, сторонники де Голля и сторонники согласия с Гитлером воевали с применением танков и артиллерии. Такие же бои вели коммунисты и фашисты, коммунисты и национальные армии в Греции, Италии, Венгрии, Украине, Индии, Китае, странах Юго-Восточной Азии.

Каждая победившая сила объявляла «предателями» своих врагов. Но речь идет явно не о «предателях» национальным интересам. А о разном понимании этих национальных интересов. Армия Крайова не предавала Армию Людову. Французские коммунисты не предавали голлистов.

Масштаб явления

Изменять политический строй в разных странах Европы начали не в 1941 и не в 1939 году. Это начали делать разные политические силы во время Первой мировой войны, в 1916–1918 годах. Толчком для этого стала Первая мировая война. С 1914 года мир вступил в полосу сплошных войн за передел мира и революций за изменение политического строя. Мир вынырнул из этой полосы только после 1945 года. А за 21 год между 1914 и 1945 годами мир неузнаваемо изменился.

Как герой сказки, ныряющий в кипящее молоко или в кровь, мир вынырнул из этой кровавой «полосы» совершенно другим! Нет ни одной страны, в которой за эти 21 год не изменился бы политический строй. Он изменялся в разной степени, но ни одна страна и ни один народ мира не остались такими же, какими были до 1914 г.

Вторая мировая война доделала то, что не доделали после Первой мировой. После нее возник мир сравнительно стабильный и спокойный. Мировая послевоенная система просуществовала с 1945 по 1989 год – вдвое больше, чем длилась вся кровавая полоса.

На фоне этого двадцатилетия Вторая мировая война – только завершающая фаза Мировой гражданской войны.

Мировая гражданская война

Историки иногда спорят: прогремели на свете две Мировые войны, 1914–1918 и 1939–1945 годов? Или это была только одна Мировая война, но с большим, сравнительно мирным, перерывом между активными фазами?

Но можно спросить и иначе... Можно спросить и о числе Гражданских войн. С 1917, даже с 1916 года.

Было их много в разных странах, с разными датами, или все это одна, растянувшаяся во времени, грандиозная Мировая Гражданская война 1914–1945 годов? В этой Мировой Гражданской войне Гражданская война в России 1917–1922 года – только один из эпизодов. Вторая мировая война – тоже один из эпизодов.

На мой взгляд, вопрос только в одном: считать ли Мировой Гражданской войной весь период 1914–1945 годов или только 1939–1945?

Примечания

- 1 Новоселова Е. Правда о войне и мире. Как государство собирается бороться с фальсификацией истории // Российская газета. Федеральный выпуск № 4913 (89) от 20 мая 2009 г.
- 2 Россия – XX век. Документы. 1941 год. Книга 1. М., 1998.
- 3 Хазанов Д. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М., Эксмо, 2007.
- 4 <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=molotov1>
- 5 Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева; Послесловие С. Кулешова. М., 1991.
- 6 Жуков Воспоминания и размышления. М., 1969. с. 119.
- 7 Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 2004.
- 8 Крысин М. Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939–1945. М, Вече, 2004.
- 9 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17.
- 10 Е. Кульков, М. Мягков, О. Ржешевский. Война 1941–1945 / Под ред. О. А. Ржешевского. – М., 2005.
- 11 Норден А. Уроки германской истории. М., 1948.
- 12 Пономарев М. В. Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т. 3. Москва, 2000.
- 13 Гитлер А. Моя борьба. М., 2002.
- 14 Bracher K. D. Die deutsche Diktatur: Entstehung Struktur Folgen des Nationalsozialismus. Koeln, 1972.
- 15 Ленин В. И. ПСС. Т. 37. М., Политиздат, 1955. С. 177.
- 16 Второй конгресс Коминтерна. М., Партиздат, 1934. С. 556.
- 17 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М.-Л., Госиздат. 1929. С. 16.
- 18 <http://history.sgu.ru/events/?eid=47>
- 19 БСЭ. Издание второе. Т. 9. М., 1951. С. 358.
- 20 История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.
- 21 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). – М.: Воениздат, 1960–1965.
- 22 Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. Глав. ред. М.М. Козлов. М., 1985.
- 23 Емельянов Ю. Десять сталинских ударов. Триумф генералиссимуса. М.: Эксмо, 2006.
- 24 50 лет Вооружённых Сил СССР. М., 1968.
- 25 Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Bd. 4. Nürnberg, 1947. S. 536.
- 26 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). Том 1. М.: Воениздат, 1960.
- 27 Нечкина М. В., Лейбенгруб П. В. История СССР. Учеб. пособие для 7-го кл. 259 с. ил.: 8 л. ил., карт. 22 см. М., 1966–1979 (13 изданий).
- 28 История СССР. 1917–1978: учеб. пособие / И. Б. Берхин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Высш. шк., 1979. – 664. – 80 000 экз.
- 29 Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России – СПб.: Издательство «Лань», 2001.
- Отечественная история (1917–2001): учебник / [А. В. Венков и др.]; отв. ред. И. М. Узнаров. – Москва: Гардарики, 2002.
- 30 Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1950.

- 31 Ибатуллин Т. Г. Война и плен. СПб., 1999. С. 233.
- 32 Ибатуллин Т. Г. Война и плен. СПб., 1999. С. 239.
- 33 Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 2004.
- 34 Ф. Руге. Война на море 1939–1945. Перевод с немецкого. М., 1957. С. 209.
- 35 Военно-исторический журнал 1992. № 1 и 2.
- 36 Россия – XX век. Документы. 1941 год. Книга 1. М., 1998.
- 37 Мельтюхов М. А. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.
- 38 МакДауэлл Дж., Ловенталь М. Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина–Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 235.
- 39 МакДауэлл Дж., Ловенталь М. Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина–Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 243.
- 40 Шаули М. Война Гитлера изнурит Европу, которая потом станет нашей легкой добычей // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 368–370.
- 41 Шпанов Н. Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.
- 42 Гранин Д. Прекрасная Ута \ Наш комбат. М., 1989.
- 43 Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года // Коммунистический Интернационал. № 7–8, с. 10.
- 44 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17.
- 45 Гысторыя Беларусі. Минск, 1999.
- 46 Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Т. 2. М., 1973.
- 47 Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976.
- 48 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). Том 1. М.: Воениздат, 1960.
- 49 Лорд У. Л. День позора. Невероятная победа. М., 1996.
- 50 Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1999.
- 51 БСЭ. Т. 9. С. 359.
- 52 История СССР. 1939–1997. М., 2009.
- 53 Der Nürnberger Hauptkriegsverbrecherprozess 18. Oktober 1945 №1. Oktober 1946. 2 Auflage-Herausgeber: Stiftung Topographie des Terrors. Druck DMP Digital – & Offsetdruck GmbH. 2006.
- 54 Bryan Mark Rigg. Hitlers Juedische Soldaten. Paderborn–Muenchen-Wien-Zuerich, 2003).
- 55 Крестовый поход на Россию: Сборник статей. М.: Яуза, 2005.
- 56 Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М., Изографус, 2002.
- 57 Хёне Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., Олма, 2003.
- 58 <http://www.rusidea.ru/?part=153&id=2913>
- 59 Перечень объединений и соединений Советских Вооруженных Сил, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Москва, Воениздат, 1993.
- Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978.
- 60 М. И. Зильбербрандт, «Песня на эстраде» // Русская советская эстрада, М., 1976.
- 61 Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 97.

- 62 Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996. – С. 45.
- 63 Ueberschar Gerd R., Wette Wolfram. Unternehmen Barbarossa: Der Deutsche Überfall Auf Die Sowjetunion, 1941 Berichte, Analysen, Dokumente. – Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984. – P. 364–366.
- 64 Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М., Изографус, 2002.
- 65 Д Анкос Эллен Каррер. Расколота империя. Национальный бунт в СССР. Лондон: Oversear publications interchange Ltd, 1982.
- 66 Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., Интрада, 2001.
- 67 Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, «Хроника», 1978.
- 68 Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996. – С. 45.
- 69 БСЭ, т. 13. М., 1973. С. 514.
- 70 Смирнов С. С. Брестская крепость. М., 1964.
- 71 Веревкин С. И. Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину. М., 2009.
- 72 Веревкин С. Н. Самая запретная книга о Второй мировой. М., 2009. С. 11.
- 73 Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 2001.
- 74 Stalin J. Fragen des Leninismus, Berlin 1951, S. 692.
- 75 Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1994.
- 76 Гордиенко А. Н. Командиры Второй мировой войны. Т. 1–2. Минск, 1997–1998.
- 77 Суворов В. День «М». М., 2005.
- 78 Суворов В. Ледокол. М., 2005.
- 79 Суворов В. Самоубийство. М., 2005.
- 80 Суворов В. СССР готовился не к той войне. Беседа с Дмитрием Хмельницким // Великая отечественная катастрофа. М., 2009. С. 109.
- 81 Суворов В. Самоубийство. М., 2005. с. 7–8.
- 82 Суворов В. Где же официальная история?! // Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. М., 2010. С. 9–21.
- 83 Буровский А. М. Великая гражданская война. 1939–1945. М., 2009.
- 84 Суворов В. Самоубийство. М., 2005. С. 9.
- 85 Солонин М. На мирно спящих аэродромах... М., 2007.
- 86 Солонин М. 23 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2008.
- 87 Солонин М. 23 июня: «День М». М. Яуза, Эксмо, 2007.
- 88 Бровкина В. Н. «Через правду о Второй мировой войне – к миру» // Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции. СПб, 2010. С. 5.
- 89 Там же, с. 6.

Александр Пронин¹
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ
ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ
Отрывок из книги «Советско-германские
соглашения 1939 г. Истоки и последствия»

Договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы.

В. М. Молотов¹

Ни одно из предвоенных дипломатических событий не вызывает такого интереса, как советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г.

О нем много написано отечественными и зарубежными историками. Нет ни одного произведения по новейшей истории, истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, в котором бы в большей или меньшей степени не освещался этот договор. В той или иной мере о нем говорится в книгах и статьях, посвященных причинам Второй мировой войны, подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Проблемы договора затрагиваются в ряде воспоминаний советских дипломатов и общественных деятелей.

Советско-германские соглашения 1939 г. имели дополнительные секретные протоколы, копии которых стали достоянием гласности в конце 1980-х гг. Ныне они хорошо известны историкам, юристам, специалистам в области международных отношений. Комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., созданная по предложению депутата из Эстонии Э. Липмаа, своим заключительным отчетом сняла значительную часть закономерно возникших в эпоху гласности в советском обществе вопросов², и Съезд постановлением от 24 декабря 1989 г. утвердил ее выводы³. Однако несколькими годами позднее выяснится, что, ставя свою подпись под указанным постановлением, где констатировалось, что подлинники протокола от 23 августа 1939 г. «не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах», М. С. Горбачев лукавил: после окончания войны в Европе Москва оказалась единственным хранителем подлинников секретных советско-германских соглашений 1939–1941 гг. (они находились в «Особой папке» ЦК КПСС), и об этом было известно всем советским лидерам от Сталина до Горбачева. Таким образом, вопрос правовой оценки соглашений вновь оказался открытым.

С выходом в свет в начале 1990-х гг. книг русского писателя-эмигранта Виктора Суворова ««Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну» и «День «М»: Когда началась Вторая мировая война» дискуссия вспыхнула с еще большей силой. Изложенная в книгах версия о подготовке к войне порождала все новые и новые вопросы.

В названных книгах Суворов излагает события так, что оставляет у читателя впечатление, будто – вопреки устоявшемуся мнению – идея заключения советско-германского договора принадлежала советскому руководству, одержимому идеей мировой революции. По словам В. Суворова, Сталин сделал очень много для того, чтобы во главе Германии оказался безумный и фанатичный лидер, способный начать войну, необходимую, чтобы ослабить Европу, а значит, согласно воззрениям большевистских лидеров, подготовить в ней почву для победы социалистической революции. Таким образом, по версии В. Суворова, известный своими агрессив-

¹ Александр Алексеевич Пронин, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург)

ными намерениями Гитлер, которого якобы советские лидеры еще до прихода его к власти нарекли тайным титулом «Ледокол революции», расчищал путь мировому коммунизму, своими действиями давая Сталину право в любой момент объявить себя освободителем Европы. Вершина усилий в этом направлении – пакт Молотова – Риббентропа. «Этим пактом Сталин гарантировал Гитлеру свободу действий в Европе и, по существу, открыл шлюзы Второй мировой войны»⁴. «Пакт Молотова – Риббентропа был придуман Сталиным ради того, чтобы руками Гитлера начать Вторую мировую войну, разгромить и ослабить Европу, в том числе и Германию»⁵, а потом ввести в эти страны Красную Армию как главного субъекта мировой революции.

Имея в виду тяжесть предъявленного В. Суворовым обвинения советскому руководству, чрезвычайно необходимым представляется ответить на вопрос, который ставит немецкий автор доктор Ингеборг Фляйшхауэр на первых же страницах книги «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939» (М.: Прогресс, 1990. 480 с.), вызвавшей одобрение многих российских историков ввиду своей богатой документальной базы и солидного научного аппарата (в отсутствии которого так часто упрекают труды В. Суворова): от кого исходила инициатива германо-советского сближения, вершиной которого и стал советско-германский договор о ненападении.

Поскольку в концепции В. Суворова вопрос этот увязан с суммой проблем, логика исследования требует рассмотреть каждую из них в отдельности.

Тезис первый – и он является центральным в концепции В. Суворова – одержимость советского руководства идеей мировой революции.

Согласно категоричной позиции И. Фляйшхауэр, чья книга, призванная, по всей видимости, научно подкрепить советскую официальную точку зрения и позицию советских историков, была издана в СССР тиражом 50 000 экземпляров и, по словам автора предисловия д-ра исторических наук В. М. Фалина, являла собою «эталонное произведение, обобщающее достигнутый на данный момент уровень знаний»⁶ (именно поэтому далее я буду сталкивать позиции В. Суворова и И. Фляйшхауэр, имея в виду в лице последней всю советскую и дружественную ей историографию), подобные утверждения всегда будут оставаться лишь предметом романтических спекуляций, потому что советское правительство отказалось-де от экспансионистских устремлений на мировую революцию еще в 1925 г.⁷ При этом имеется в виду XIV съезд ВКП (б), состоявшийся 18–31 декабря 1925 г. и подтвердивший решение XIV партконференции (27–29 апреля 1925 г.) о возможности победы социализма в одной стране. До этого, как известно, большевики считали, что, как вспоминал В. И. Ленин в третью годовщину Октября 1917 г., «наша победа будет прочной только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»⁸. К этой же теме Ленин вернулся на III Конгрессе Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921 г.): «Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна»⁹.

Все известные высказывания В. И. Ленина накануне Октябрьского переворота, в его ходе и в первое после него время, все поведение вождя свидетельствуют, что он рассматривал российскую революцию только как отправную точку, пролог революции мировой.

Таким образом, представления Ленина о социалистической революции (независимо от того, начнется ли она в одной или нескольких странах) как всемирном, интернациональном процессе не отличались от соответствующих представлений Маркса и Энгельса. Однако история оказалась сложнее теоретических представлений: прорыв фронта капитала не удалось расширить. То, что произошло, – задержка мировой революции¹⁰, «одионочество» победившего в России пролетариата, необходимость так или иначе приспособиться к жизни в условиях

враждебного окружения, – породило тактику сохранения «оазиса Советской власти»¹¹ в бушующем империалистическом море, обретшую контуры идеи мирного сосуществования¹².

«Миротворчество» Ленина было вынужденным. Если бы человечество не оказало сопротивления революционному экстремизму после Октября 1917 г., то планета могла бы стать «советской федерацией», о чем не раз заявляли сами большевики. То, что ленинская концепция мирного сосуществования обосновывалась прежде всего необходимостью создать минимальные внешние условия для сохранения единственной социалистической республики в кольце враждебного окружения, не отрицалось позднее советским руководством¹³.

Как видим, утверждения, что ленинское правительство уже с первых дней существования советской власти, с момента принятия вторым Всероссийским съездом Советов в ночь с 8 на 9 ноября 1917 г. Декрета о мире, руководствовалось принципом мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем¹⁴, не соответствуют действительной истории предмета. Декрет о «мире» имел совсем другие и отнюдь не мирные цели, исходя из перспективы международной социалистической революции. Расчет был на превращение войны империалистической в войну гражданскую, которая и доведет дело революции в Европе до победного конца.

Также ни в коей мере не свидетельствует о миролюбии ленинского правительства, а наоборот, говорит об агрессивности вынашиваемых им планов подписание 3 марта 1918 г. Брестского договора. Брест-Литовский мирный договор был подписан Советской Россией в условиях чрезвычайно тяжелого для только что родившейся Советской власти положения и не менее тяжелого положения российских войск, истощенных сражениями на фронтах Первой мировой¹⁵. Как отмечал В. И. Ленин, «армия воевать не может», поэтому необходима «не фраза о вооруженном восстании против немцев сию минуту, а систематическая, серьезная, неуклонная работа по подготовке революционной войны, создание дисциплины, армии, упорядочение железных дорог и продовольствие»¹⁶. Для революционной войны нужна была армия, ее не было. Значит, надо было принимать условия¹⁷. Условия мира, заключение которого инициировали сами большевики для того, чтобы начать формирование новой, революционной Красной Армии, а затем военной мощью окрепнувшего Советского государства, успешным наступлением не оставить от этого договора – «красивой бумажки» – «и следа»¹⁸.

Нет сомнений, что подобная уверенность большевиков в недолговременности «похабного» мира основывалась, прежде всего, на том факте, что к моменту подписания Брест-Литовского мирного договора начало организации революционной Рабоче-крестьянской Красной Армии уже было положено: соответствующий декрет был подписан В. И. Лениным 15 (28) января 1918 г. Целью армии была поставлена «поддержка будущей социальной революции в Европе»¹⁹. Отметим, что в само основание армии (в 1946 г. переименованной в Советскую) закладывались классовые принципы²⁰: считалось, что с Рабоче-крестьянской Красной Армией не будут воевать рабочие и крестьяне других стран, а в случае войны перейдут на ее сторону и повернут штыки против своих помещиков и капиталистов. Красная Армия готовилась для «социалистической войны» всемирного пролетариата против мировой буржуазии. Поэтому, как только в ноябре 1918 г. в Германии (в результате немалых усилий большевиков)²¹ произошла революция, Красная Армия, не дожидаясь ухода германских войск с территорий, занятых ими на основании Брест-Литовского мирного договора, перешла в планомерное наступление, стремясь насадить Советскую власть на ранее уступленных Германии территориях²². 8 декабря 1918 г. Декретом СНК РСФСР была признана независимость Эстляндской Советской Республики²³, 22 декабря СНК признал независимость Советской Республики Латвии²⁴ и Литовской Советской Республики²⁵. 24 декабря 1918 г. постановлением ВЦИК эти декреты были

утверждены²⁶. Признавая высшей властью в названных республиках только власть Советов, все вышеперечисленные акты советского правительства содержали обязательство РСФСР оказывать советским правительствам Прибалтийских республик и их войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение от «ига буржуазии» в борьбе против «строга эксплуатации и угнетения».

Рассматривая итоги социалистической революции и Гражданской войны в России, В. И. Ленин 21 ноября 1920 г. еще раз подчеркнул, что «наша революция победит тогда, когда ее поддержат рабочие всех стран»²⁷. Для достижения этой цели – осуществления «всего социалистического переворота, взятого с международной точки зрения, т. е. точки зрения победы над капитализмом вообще»²⁸, Ленин призвал решить две «неразрывно связанные»²⁹ между собой задачи: «...во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых – задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вторых, задача созидательная – построить новые (социалистические. – А. П.) экономические отношения, показать пример того, как это делается»³⁰, «показать на деле... всем остальным странам, что коммунистический строй, уклад, может быть создан»³¹. Успех в хозяйственном строительстве «доведед нашу победу в международном отношении до полного конца»³².

Таким образом, эта ленинская установка о строительстве социализма в отдельно взятой стране, воспринятая XIV партконференцией и закрепленная в резолюции XIV съезда ВКП (б), на которую ссылается И. Фляйшхауэр для подтверждения отказа советского руководства от идеи победы революции в мировом масштабе, имела в виду не окончательную победу социализма, а призвана была решить лишь одну из двух ведущих к этой победе задач: показать пролетариям других стран пример успешного социалистического хозяйственного строительства. Это подтверждается и тем, что XIV партсъезд вошел в историю партии как съезд социалистической индустриализации страны, поставивший перед партией в качестве центральной задачи превратить страну из аграрной в индустриальную, развернуть то самое хозяйственное строительство, о котором говорил В. И. Ленин.

Поэтому-то рассматривать резолюцию XIV съезда ВКП (б) в качестве отказа от идеи мировой революции нет никаких оснований. Как пишут венгерские ученые Л. Белад и Т. Краус, эту перспективу опоры на собственные силы, перспективу построения социализма в одной стране «партия большевиков не выбирала, а вынуждена была принять в силу своей международной изолированности»³³.

В октябре–ноябре 1926 г. на XV конференции лозунг построения социализма в СССР был возведен в ранг официальной политики партии и больше уже не подвергался сомнению. Однако, как подчеркивает Д. А. Волкогонов, цель Сталина – сделать планету «красной» – оставалась неизменной³⁴. Верный заветам Ленина, достичь этой цели Сталин рассчитывал методами, вытекающими из задач, провозглашенных Лениным в ноябре 1920 г. (впрочем, они были лишь интерпретацией идей, выдвигавшихся в период Брестского мира и ранее): созданием сильной экономики и сильной армии.

В условиях неэффективности системы «социализма» ради большевизации всего мира коммунистическое руководство шло на все: нещадную эксплуатацию народа, чьими руками создавался огромный военный потенциал; разорение деревни; растраниживание национальных богатств, создание многомиллионного ГУЛАГа для использования дармовой рабочей силы.

Диктатор Муссолини заметил как-то в беседе с журналистами: «Сталин морит страну голодом, чтобы создать моторизованную, механизированную, сильную армию»³⁵.

В соответствии с секретным постановлением СНК СССР от 23 января 1928 г. осуществлялась продажа за рубеж картин и других произведений искусства³⁶ с целью получить деньги

на индустриализацию, направленную прежде всего на обеспечение, развитие и наращивание военного потенциала милитаризовавшейся страны...

Ценой нищеты, невероятных жертв, каторжного труда и деформации экономики, ценой разбазаривания национальных богатств и экологического беспредела были созданы гигантские вооруженные силы. Не для защиты Отечества – для мировой экспансии.

В июне 1920 г., при Ленине, во время обсуждения внешней политики Советской России на заседании ВЦИК наркоминдел Г. В. Чичерин заявлял: «Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках, и это знают все... Наша политика есть политика мира»³⁷. Говорилось это тогда, когда вооруженная теми самыми штыками Красная Армия шла на штурм Варшавы, бить польских помещиков и капиталистов, ускорять приход мировой революции.

В восточной Польше осенью 1939 г., в Финляндии зимой 1939–1940 гг., в Прибалтике и Бессарабии летом 1940-го – везде Красная Армия имела целью «поддержать революцию (которую сама же и несла) вооруженной рукой». Эти цели Красной (Советской) Армии не претерпели изменений и после окончания Второй мировой войны, в обстановке новых политических реалий. До самого 1991 г., по справедливому утверждению Д. А. Волкогонова, советское руководство не освободилось от коминтерновского мышления³⁸ «Танкового» мышления. Поэтому-то Советская Армия как орган государства (СССР), предназначенный для проведения его (СССР) политики средствами вооруженного насилия, фигурировала во всех военных кампаниях, осуществлявшихся советским правительством с целью насильственной большевизации всего мира.

Приказ № 1 от 4 ноября 1956 г. главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора Маршала Советского Союза И. С. Конева о вводе советских войск в Венгрию, в Будапешт, провозгласил в качестве задачи «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции» и предотвратить реставрацию в стране «старых помещичье-капиталистических порядков»³⁹. По заключению генерал-лейтенанта в отставке Е. И. Малащенко, ввод советских войск в Будапешт в ноябре 1956 г. явился «прямым вмешательством Советского Союза во внутренние дела суверенного государства» и противоречил нормам международного права⁴⁰.

«Мы идем к нашим братьям помочь им в защите социализма»⁴¹, – так охарактеризовал министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко решение о вводе войск пяти союзных стран–участниц Варшавского договора на территорию Чехословакии в августе 1968 г. Советским войскам разъяснялось, что ввод союзных войск на территорию ЧССР вызван «необходимостью защитить братский чехословацкий народ от происков внутренней и внешней контрреволюции»⁴².

Ввод советских воинских частей на территорию Афганистана, решение о котором было принято советским руководством в нарушение положений Конституции СССР⁴³, также был предназначен для поддержки завоеваний революции. На этот раз – оказавшихся в опасности в результате «все нарастающих вооруженных вторжений и провокаций внешних врагов афганского народа» завоеваний афганской революции апреля 1978 г.⁴⁴

Итак, цель советского руководства – сделать планету «красной» – оставалась неизменной. Идея о создании мировой советской федерации неотступно преследовала советских лидеров. В 1947–1948 гг. Сталин предложил создать Балканскую федерацию, объединяющую Югославию, Румынию, Болгарию и Албанию (эти страны были провозглашены государствами народной демократии в результате освободительной миссии Красной Армии в годы Великой Отечественной войны). Такая федерация, по его замыслу, должна была стать противовесом политике капиталистических держав в отношении Балкан, подобно тому как Советский Союз был создан в качестве «единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окруже-

ния» (Декларация об образовании СССР). Компартия Югославии, придавая существенное значение вопросу сохранения национального суверенитета каждой страны в Балканской федерации, выступила против этой идеи. Последствия спора Тито и Сталина оказались трагическими. Сталин не остановился перед разрывом договора о дружбе, отзыванием послов, прекращением экономических связей. Кульминацией конфликта явилось принятие 30 июня 1948 г. Информационным бюро коммунистических и рабочих партий, наследником Коминтерна, резолюции «О положении в Коммунистической партии Югославии», где говорилось, что политика югославского руководства ведет к перерождению Югославии в обычную буржуазную республику, превращению ее в колонию империалистических стран. Информбюро обвиняло КПЮ в том, что она «ведет враждебную политику в отношении Советского Союза и ВКП (б)»⁴⁵.

Те же из республик, которые удалось присоединить к СССР, кремлевское руководство удерживало крепко. По свидетельству члена правительства Народного фронта Азербайджанской республики Эхтибара Мамедова, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Евгений Примаков на встрече с руководством Азербайджана, состоявшейся 18 января 1990 г., прокомментировал ввод советских войск в Баку следующим образом: «Войска нужны, чтобы предотвратить отделение Азербайджана от Советского Союза. Мы не допустим этого отделения любой ценой»⁴⁶. По заключению Комиссии Верховного Совета Азербайджанской республики, ввод советских войск в Баку был осуществлен с нарушением норм конституционного и международного права⁴⁷.

13 января 1991 г., ровно через год после Баку, мир был потрясен сообщением из Вильнюса⁴⁸...

«Танковое» мышление...

Как видим, советское руководство никогда не отказывалось от провозглашенной в советско-польскую войну 1920 г. «поддержки дела советизации вооруженной рукой». Вопреки мнению И. Фляйшхауэр, в 1925 г. советские лидеры не отреклись от идеи мировой революции, а лишь констатировали ее «задержку». Используя слова заведующего Восточно-Европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Ю. Шнурре, осуществление мировой революции было «отложено на неопределенный срок»⁴⁹. Что же касается методов осуществления этой идеи – они всегда оставались неизменными. Революционные идеи Октября несла на своих штыках и танках Рабоче-крестьянская, а позднее, Советская Армия, финалом походов которой явился воскресивший советские лозунги (постановление № 1 ГКЧП) августовский путч 1991 г.

С данными выводами полностью солидарен д-р исторических наук Д. А. Волкогонов, на основе знакомства с архивами Политбюро и ЦК ВКП (б) – КПСС утверждающий, что как в размышлениях, так и в практических шагах большевистских (советских) руководителей в направлении инициирования мировой революции всегда особое место занимала проблема армии и революционной борьбы и пути повышения эффективности политических шагов с помощью вооруженного насилия⁵⁰.

Анализ же первого тезиса концепции В. Суворова – одержимость советского руководства идеей мировой революции – закончим следующим. Крушение «реального социализма» в странах, «выбравших» социалистический путь развития, обнаружило, что все эти страны отстали от наиболее развитых государств. Это более чем наглядно свидетельствует о несостоятельности теории мировой социалистической революции, основанной на неверной оценке капитализма и упрощенном представлении о путях реализации социалистических идей.

Рассмотрим теперь второй из заявленных В. Суворовым тезисов: Сталин сделал-де все возможное, чтобы во главе Германии оказался лидер, способный начать войну. Иными словами, что Сталин способствовал приходу Гитлера и возглавляемой им фашистской партии к власти.

Однако то, что фактически дело обстояло именно так, учеными не отрицается. Как утверждает д-р исторических наук Ф. И. Фирсов⁵¹, мнение которого разделяют А. Н. Григорьев⁵², Л. Б. Черная⁵³ и французский историк Франсуа Фюрре⁵⁴, с уверенностью можно сказать, что навязанная Сталиным линия в годы нарастания опасности фашизма исключала всякую возможность установления контактов между компартиями и социал-демократическими, социалистическими партиями с целью создания единого антифашистского фронта рабочего класса.

Известный советский публицист Эрнст Генри писал 30 мая 1965 г. Илье Эренбургу: «Я никогда не забуду... как теория социал-фашизма (термин «социал-фашизм» означал особую форму фашизма в странах с сильными социал-демократическими партиями. – А. П.) месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру... Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 г., но было уже поздно. Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политикой «советского Макиавелли»⁵⁵.

Об истинном отношении советского руководства к фашистским и другим агрессивным странам говорят следующие факты.

2 сентября 1933 г. был заключен договор о дружбе, ненападении и нейтралитете между Союзом ССР и Италией, в преамбуле которого стороны констатировали «непрерывность дружественных отношений, соединяющих обе страны»⁵⁶. В одной из этих стран – Италии – с 1922 г. существовала фашистская диктатура Муссолини. Этот договор о дружбе и нейтралитете, хотя и не предусматривал тайных военных контактов сторон, однако обе страны были едины по своей агрессивной сущности. СССР, стремясь к наращиванию любой ценой своего военного потенциала, не жалел средств на закупку итальянского оружия⁵⁷. В свою очередь, итальянская сторона также стремилась к наращиванию за счет СССР своих милитаристских усилий. Сотрудничество обеих стран осуществлялось главным образом в области сухопутных, военно-морских сил РККА, а также авиации⁵⁸.

Помимо фашистской Италии, офицеры РККА в обстановке глубокой секретности проходили стажировку в вооруженных силах милитаристской Японии⁵⁹.

Итак, фактически Гитлер и возглавляемая им партия оказались у власти при содействии Сталина. Чем объяснить последовавшие вслед за этим сталинские репрессии в отношении искавших политическое убежище в СССР зарубежных коммунистов, социал-демократов, представителей других антифашистских сил⁶⁰? Чем объяснить преступные сталинские репрессии, имевшие массовый характер, по отношению к партиям, которые находились на нелегальном положении в основном в странах с фашистскими режимами, а потому были особенно беззащитны? Так, члены военизированной австрийской организации левых социал-демократов – шуцбундовцы, в феврале 1934 г. поднявшие восстание против фашистов и реакционеров, которое потерпело поражение, получили политическое «убежище» в СССР, где вскоре бесследно и таинственно исчезли⁶¹. Видимо, Сталину очень не понравилось, что в Австрии возник единый антифашистский фронт коммунистов и социал-демократов. Чем объяснить особенно многочисленные после заключения советско-германского пакта о ненападении факты выдачи немецких антифашистов гестаповцам, закрытие нашей границы перед беженцами из поработанной Гитлером Европы⁶², факт исчезновения из советской прессы и печати Коминтерна слова «фашизм» и объявление главным врагом СССР и коммунистов англо-французского империализма?

Документы свидетельствуют, что Сталин косвенно помог осуществлению в 1926 г. фашистского переворота в Литве, в результате которого к власти пришел диктатор Антанас Сметона, являвшийся руководителем правой профашистской партии таутининкасов (национа-

листов). Президент Сметона и премьер-министр Аугустинас Вольдемарас были тесно связаны с руководством СССР, а их партийные органы напрямую финансировала советская казна⁶³. При этом Сталин действовал по классическим принципам политического лицемерия: говорил о поддержке героической подпольной борьбы литовских коммунистов, а на деле поддерживал литовских фашистов... Сказанное объясняет, почему в 1940 г. легко, без всякого сопротивления тогдашнее литовское правительство и президент отдали власть Советам.

Судя по архивным свидетельствам⁶⁴, СССР, подкармливая сговорчивых литовских националистов, рассчитывал на их ярое нежелание заключать балтийский союз с Латвией и Эстонией (Советскому Союзу было выгодно иметь под боком несколько небольших раздраженных друг другом государств, нежели сплоченное содружество), а также на их антипольские настроения.

В этой связи отметим, что в преддверии шагов к очередному советско-германскому сближению, первым из плодов которого явился совместный раздел Польши, Сталин 16 августа 1938 г. санкционировал постановление Президиума Исполкома Коминтерна о роспуске компартии Польши⁶⁵. Тем самым Польша была лишена общественной силы, способной содействовать мобилизации прогрессивной общественности страны в антифашистский фронт, который мог бы повлиять на готовность польского правительства к сотрудничеству с Советским Союзом для отражения готовившейся германской агрессии. А ведь именно нежеланием принять какие-либо условия помощи со стороны СССР для отражения германского нападения историки мотивируют, в совокупности с другими факторами, необходимость подписания советско-германского договора о ненападении.

Все описанное объективно подтверждает второй тезис концепции Виктора Суворова: активное содействие Сталина разжиганию войны в Европе и, в частности, приходу к власти в Германии фанатичного лидера, способного эту войну начать.

Какие цели преследовал этим единовластный советский правитель?

В докладе, с которым Сталин выступил 26 января 1934 г. на XVII съезде партии – через год после прихода Гитлера к власти, – прозвучала следующая мысль: война «наверняка развяжет революцию» и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны⁶⁶. Позднее эти цели и намерения довольно откровенно были изложены И. В. Сталиным в знаменитом «Кратком курсе» истории ВКП (б) – книге, появившейся в сентябре 1938 г. и, таким образом, свободной от воздействия Мюнхенского «антисоветского» сговора. В книге утверждалось, что «вторая империалистическая война на деле уже началась»⁶⁷. Та самая война, которую давно предсказывали деятели коммунизма и с которой они связывали, по аналогии с Первой мировой войной, успех революционного движения. Так стоило ли стране «победившего социализма» (Конституция СССР 1936 г.) вмешиваться в естественный ход вещей, тем более что «империалистическая война» только началась? Участвовавшие в ней классово враждебные государства были, следовательно, еще далеки от краха – условия, необходимого, по примеру Первой мировой войны, для победы социалистической революции⁶⁸. И тем более вмешиваться на стороне Англии и Франции, по сталинскому определению – так называемых демократических государств, солидарных с фашистской политикой борьбы «против рабочего и национально-освободительного движения».

Сталин и не скрывал намерения воспользоваться империалистической войной в интересах социализма. Проводя историческую параллель между русскими либерально-монархическими буржуа, потерпевшими поражение в октябре 1917 г. из-за своей, по сталинскому мнению, политики сговора с государством, и политикой западных стран, поддерживавших в 30-х гг. по классовым мотивам агрессию фашистских стран, Сталин писал: «Как известно, либерально-монархическая буржуазия России жестоко поплатилась за свою двойственную игру.

Надо полагать, что правящие круги Англии и их друзья во Франции и США также получают свое историческое возмездие»⁶⁹. Следуя сталинской логике, основанной на аналогии с революционными событиями 1917 г., нетрудно догадаться, кому, по мысли Сталина, история отводила роль исполнителя ее приговора.

Эти сталинские идеи затем перекочевали, вплоть до текстуальных совпадений, из «Краткого курса» в доклад советского вождя на XVIII съезде ВКП (б)⁷⁰. В этом же докладе Сталин, заключая в кавычки слово «нейтралитет» при характеристике позиции невмешательства Англии и Франции в происходившие на международной арене события, лицемерно уличал правительства названных стран в следующем: «...не мешать агрессорам (имелись в виду Германия, Италия и Япония. – А. П.) творить свое черное дело... дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – вступить в войну со свежими силами... и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево и мило!»⁷¹ Тем самым Сталин приписал руководителям западных держав свои собственные намерения. 7 сентября 1939 г., т. е. через две недели после того, как СССР заключил с Германией договор о ненападении и обозначил этим свой «нейтралитет» в войне, приобретшей после объявления Англией и Францией 3 сентября войны Германии характер Второй мировой, в беседе с ближайшим окружением Сталиным было заявлено следующее: «Война идет между двумя группами капиталистических стран... Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону... Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и населения»⁷².

Как видим, интересам мирового пролетариата соответствовало бы исчезновение (с помощью Гитлера) Польши с географической карты⁷³.

Думается, что дальнейшее доказывание того, что Гитлер, сам того не подозревая, являлся сталинским «Ледоколом революции», не требуется.

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению вопроса: от кого исходила инициатива германо-советского политического сближения.

И. Фляйшхауэр в работе «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939» делает попытку доказать, что пакт Молотова–Риббентропа – в значительной мере итог целенаправленной деятельности напуганных авантюризмом и агрессивностью Гитлера ведущих сотрудников германского посольства в Москве и прежде всего посла Шуленбурга, в 1944 г. ставшего активным участником заговора против фюрера.

И. Фляйшхауэр и российский историк Л. А. Безыменский⁷⁴ считают, что германские дипломаты в донесениях, предназначенных для высших руководителей рейха, давали «подправленную» информацию, вкладывая в уста своих советских собеседников скорее собственную точку зрения на то, как следовало бы развивать отношения между Германией и СССР, чем то, как советские представители говорили в действительности. По мнению названных ученых, мотивом подобного «заговора» германских дипломатов была их убежденность в необходимости дружбы с Россией и невозможности для Германии вести войну на два фронта. Как утверждают Безыменский и Фляйшхауэр, профессиональные германские дипломаты, в большинстве своем аристократы, Шуленбург, Вайцеккер, Шнурре и другие, были приверженцами политики Бисмарка, выступавшего против войны с Россией. Поэтому, внутренне объединенные идеей недопущения войны между Германией и СССР, они, действуя целенаправленно,

хотя и в осторожной форме, давали-де «подкорректированную» информацию менее искусственным в тонкостях дипломатии руководителям Третьего рейха.

В позиции И. Фляйшхауэр и Л. Безыменского имеется недостаток – подведение к общему знаменателю двух временных отрезков развития советско-германских отношений в 1938–1939 гг. Как явствует из книги самой же И. Фляйшхауэр, инициатива, якобы проявленная именно германской дипломатией поздней осенью 1938 г., имела своей целью не более чем расширение торговых связей между двумя странами. При этом за рамками работы И. Фляйшхауэр остаются следующие факты. С конца 1936 г. в Берлине вел длительные переговоры торговый представитель СССР Д. Канделаки, и вел их напрямую от имени Сталина и Молотова, о чем с удивлением узнал в 1939 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов (секретные дневники Литвинова опубликованы его сыном на Западе в хрущевское время). Эти переговоры уже выходили на высший экономический и политический уровень – на рейхсминистра Г. Геринга и директора Имперского банка Я. Шахта. С советской стороны к ним скоро присоединился член Политбюро, нарком внешней торговли А. И. Микоян. Чтобы обеспечить успех этих переговоров, крупнейшему резиденту советской разведки в Западной Европе Вальтеру Кривицкому было приказано свернуть германскую сеть, что выражало бы полное доверие между двумя странами. Напомним, что эти переговоры велись в годы открытой политической конфронтации между СССР и Германией. Каналы связи с высшими сферами рейха были налажены через германскую разведку назначенным в декабре 1936 г. наркомом НКВД секретарем ЦК ВКП (б) Н. И. Ежовым, сменившим на этом посту профессионала Г. Г. Ягоду⁷⁵.

Таким образом, якобы проявленная германской дипломатией осенью 1938 г. инициатива, на которую указывают И. Фляйшхауэр и Л. Безыменский, была всего лишь продолжением давно и не без успеха продвигавшихся экономических переговоров между двумя странами.

Как уже было сказано, эти ученые в качестве «двигателя» инициативы германских дипломатов, «общего знаменателя» называют их убежденность в невозможности для Германии вести войну на два фронта. Однако, во-первых, поздней осенью 1938 г., каковой И. Фляйшхауэр датирует инициативу германских дипломатов, такой перспективы для Германии еще не существовало. Во-вторых, говоря об инициативе политического сближения Германии и СССР, имеют в виду так называемый «план Шуленбурга», предусматривавший содействие Германии урегулированию японо-советских отношений, гарантию независимости Прибалтийских стран, предложение советскому правительству заключить с Германией пакт о ненападении и широкое торговое соглашение⁷⁶. Однако этот план был всего лишь ответом на выдвинутое В. М. Молотовым предложение о создании политической базы для успеха экономических переговоров, о чем он заявил в беседе с послом Шуленбургом 20 мая 1939 г., причем, по свидетельству Молотова, указание им на отсутствие политической базы было для Шуленбурга «большой неожиданностью»⁷⁷. Можно ли ответ на предложение партнера назвать инициативой? Более того, при детальном рассмотрении тех фактов, о которых пишет И. Фляйшхауэр, выясняется, что план Шуленбурга, по сути дела, ответом советскому правительству не был: Шуленбург лишь обменялся мнениями о том, каким бы ему хотелось видеть будущее германо-советских отношений, с министром иностранных дел Италии Чиано, и от советского поверенного в делах в Риме информация дошла до советского правительства. С этого момента советское руководство настойчиво побуждало германскую сторону к подобному варианту развития двусторонних отношений, особенно подчеркивая свое желание заключить с Германией именно пакт о ненападении⁷⁸. Самим же германским правительством вопрос о таком пакте вообще не ставился⁷⁹. Немецкая сторона, нуждавшаяся в нейтралитете СССР для успешного осуществления планов агрессии против Польши, хотела лишь заявления СССР об отказе от применения силы⁸⁰. Таким образом, автором урегулирования двусторонних политических отношений именно в форме договора о ненападении, а не в какой бы то ни было другой форме, явилось советское

правительство. Из исследователей на это обращает внимание только В. Я. Сиполс⁸¹. И именно советское руководство настаивало на письменном оформлении в виде дополнительного протокола заверений германской стороны о том, что «между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран»⁸². Это подтверждается содержанием бесед Шуленбурга с Молотовым⁸³, текстом советского проекта пакта о ненападении, содержавшего упоминание протокола⁸⁴, телеграммой Гитлера Сталину, пункт 4 которой прямо указывал, что дополнительный протокол был «желаем советским правительством»⁸⁵.

И. Фляйшхауэр утверждает, однако, что секретный дополнительный протокол исходил от германской стороны⁸⁶, и автором его является сотрудник МИД Германии Гаус⁸⁷ (это же утверждение прозвучало и в сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР)⁸⁸. Свою позицию Фляйшхауэр, дабы очевидная бездоказательность этого утверждения не бросалась в глаза читателю, подкрепляет примечанием, помещенным в конце книги, где приводит фразу Риббентропа: «В самолете я сначала вместе с Гаусом набросал проект планируемого пакта о ненападении»⁸⁹. Все! Где же упоминание Риббентропом дополнительного протокола? На основе своих голословных выводов И. Фляйшхауэр пишет: «Тем самым позднейшие утверждения Риббентропа, будто Сталин «уже на первой стадии переговоров (имеются в виду переговоры в Кремле 23 августа 1939 г. – А. П.) заявил, что желал бы поднять вопрос об определении конкретных сфер интересов», выдвинув соответствующие требования, представляются в принципе... неверными, а литература, которая... считает этот протокол, определивший сферы интересов, советским изобретением, – дезинформационной»⁹⁰. При этом И. Фляйшхауэр оговаривается: «Не известно ни одной записи хода этих судьбоносных переговоров в Кремле... Единственный свидетель, который мог бы пролить сегодня свет на ход тогдашних переговоров, – присутствовавший на них переводчик Сталина Павлов – пока не высказался по этому поводу»⁹¹.

В начале 1990-х гг. бывший помощник наркоминдел СССР В. Н. Павлов, переводивший на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом, приподнял завесу секретности над этими переговорами. Добавив, что в это «вообще трудно поверить», он рассказал буквально следующее: «Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны... Риббентроп привез только текст основного договора (как видим, это подтверждает однозначность процитированного И. Фляйшхауэр высказывания Риббентропа и опровергает выстроенные немецким ученым на нем выводы об авторстве протокола. – А. П.). Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия... В кабинете Сталина был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено»⁹².

Рассказ Павлова подтверждает то, о чем сказал обвиняемый Риббентроп в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе: «Когда я приехал в Москву в 1939 г. к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана-Келлога, а дал понять, что если он не получит половину Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад»⁹³.

Советское руководство настолько увлеклось идеей создания секретных протоколов⁹⁴, что в ноябре 1940 г., когда германская сторона предложила СССР очередной раздел сфер влияния в мире, советская сторона вместо предложенных Германией двух секретных соглашений настаивала на заключении пяти⁹⁵.

Следует отметить также, что об инициативе со стороны германских дипломатов к моменту появления «плана Шуленбурга» уже не может быть и речи, ибо сама д-р Фляйшхауэр признает, что после утверждения германским руководством плана «Вайс» – плана нападения на Польшу – «инициатива германской дипломатии» быстро стала перекрываться инициативой Гитлера, заинтересованного в политической изоляции Польши для успешного осуществления намеченной против нее военной кампании⁹⁶. Под политической изоляцией Польши легшая в основу плана «Вайс» директива Гитлера от 3 апреля 1939 г. понимала ограничение войны боевыми действиями с одной лишь Польшей, исключив вмешательство Запада и России. Путь к этому вел через Москву, где с весны 1939 г. проходили англо-франко-советские переговоры о коллективном отпоре агрессору.

Поэтому целью приглашений к переговорам со стороны Германии было в первую очередь не допустить заключения трехстороннего соглашения между СССР, Англией и Францией, гарантировавшего безопасность Польше⁹⁷, а во вторую очередь – обеспечить советский нейтралитет в момент, когда дело дойдет до германского нападения на Польшу. Москва стала решающим фактором в военных планах Гитлера, касавшихся Польши. Именно высшее руководство рейха, принимая во внимание настрой немецкого генералитета, заявлявшего, что войну, в которой придется сражаться против России, Германия, по всей вероятности, проиграет, и советовавшего «сближаться с Россией»⁹⁸, всеми силами стремилось избежать войны на два фронта, ради чего и пошло на огромные территориальные уступки Советскому Союзу, зафиксированные в секретном дополнительном протоколе от 23 августа 1939 г. По словам В. М. Молотова, произнесенным им в ходе переговоров в Берлине 12 ноября 1940 г., соглашения августа 1939-го были прежде всего «в интересах Германии», которая смогла «получить Польшу», а позднее захватить Францию и начать серьезную войну против Великобритании, имея «крепкий тыл на Востоке»⁹⁹. (Не будем забывать при этом, что такое развитие событий вполне соответствовало сценарию Кремля.)

И. Фляйшхауэр указывает также, что к сотрудничеству с СССР Гитлера толкало и ведомство Геринга, курировавшего выполнение германского четырехлетнего плана¹⁰⁰. Это указание подтверждает факт, о котором шла речь выше: факт давних двусторонних экономических переговоров.

На достижение первоочередной из названных целей высшего германского руководства было направлено неоднократное вмешательство Германии в трехсторонние переговоры как раз на критических стадиях последних¹⁰¹. Отсутствие англо-франко-советского военно-политического соглашения выдвигалось неременным условием «значительного улучшения» отношений Германии с Советским Союзом¹⁰². Уже в ходе переговоров в Кремле 23 августа Риббентроп настаивал перед Сталиным на удалении западных военных миссий.

В ответ Сталин дал свое принципиальное согласие¹⁰³.

Как видим, эти факты опровергают традиционное в советской историографии¹⁰⁴ возложение вины за провал англо-франко-советских переговоров исключительно на правительства западных держав. Впервые такая позиция прозвучала в интервью К. Е. Ворошилова через несколько дней после подписания советско-германского договора о ненападении: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»¹⁰⁵. 31 августа 1939 г. это утверждение было воспроизведено В. М. Молотовым в докладе на сессии Верховного Совета СССР¹⁰⁶, и с тех пор оно не подвергалось сомнению в советской исторической науке.

Из исследователей этой проблематики лишь М. И. Семиряга¹⁰⁷ и В. М. Кулиш¹⁰⁸ указывают на незаинтересованность Сталина и Молотова в поисках баланса интересов с западными демократиями. Между тем в докладе ведущего в 30-х гг. в США специалиста по Советскому Союзу профессора Чикагского университета Самуэла Н. Харпера, сделанном «по горячим следам» совершенной им весной 1939 г. двухмесячной поездки в Советский Союз, отмечалось: «Именно Британская империя находится сейчас под угрозой, именно она слабее подготовлена к самообороне и в дополнение ко всему из-за своих обязательств в Восточной и Юго-Восточной Европе нуждается, если не поставлена перед необходимостью, добиваться сотрудничества с Советским Союзом. Я, однако, не видел никаких доказательств того, чтобы Москва пыталась извлечь выгоды из того положения, в котором оказалась Англия вместе со своей союзницей Францией, ослабленной стратегически по причине установления германо-итальянского контроля над Испанией»¹⁰⁹. Данная констатация привела С. Харпера к пессимистичным выводам в отношении возможности успеха англо-франко-советских переговоров, что и подтвердило последующее развитие событий.

Одной из причин провала переговоров военных миссий трех держав советские историки (и эта позиция опять же прозвучала в Сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР) называют отсутствие согласия Польши на пропуск советских войск через ее территорию для того, чтобы они могли войти в соприкосновение с агрессором, так как летом 1939 г. СССР общей границы с Германией не имел. Польша такое согласие дать отказывалась.

Однако при этом забывается, что СССР и не пытался склонить правительство Польши к сотрудничеству, переуступив эту часть работы Лондону и Парижу. Между тем вопрос об обращении СССР для решения названной проблемы непосредственно к польскому руководству неоднократно ставился последним перед западными демократиями¹¹⁰. Поэтому, как отмечает О. А. Ржешевский¹¹¹, одной из вероятных инициатив советской делегации на переговорах могло быть приглашение на них полномочного представителя Польши, что, как известно, сделано не было.

С подписанием в Кремле 23 августа 1939 г. советско-германских соглашений желание Гитлера не допустить позитивного исхода англо-франко-советских переговоров и нейтрализовать СССР было исполнено.

Наконец, при всей заманчивости версии И. Фляйшхауэр и Л. Безыменского о том, что германские дипломаты вкладывали в уста советских собеседников больше, чем они могли сказать, трудно поверить в координацию действий всех чиновников германского министерства иностранных дел. Работа всех министерств германского государства находилась под жестким контролем Национал-социалистической партии, и все без исключения сотрудники подвергались проверкам, для чего указом Гитлера был создан специальный орган¹¹². Поэтому, к примеру, руководитель политического отдела МИД Германии Верман, которого И. Фляйшхауэр также относит к лицам «прорусской ориентации» или близким к ним¹¹³, едва ли мог быть участником «заговора дипломатов», ибо являлся партийным функционером¹¹⁴.

В свете вышеизложенного согласиться с утверждением, будто «новая эра» в советско-германских отношениях – плод усилий исключительно германской дипломатии, не представляется возможным.

Сборник документов «Нацистско-советские отношения. 1939–1941», изданный госдепартаментом США в 1948 г.¹¹⁵, открывается меморандумом статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцзеккера о состоявшейся 17 апреля 1939 г. между ним и советским полпредом в Германии А. Ф. Мерекаловым беседе¹¹⁶. Согласно меморандуму, Мерекалов в ходе этой беседы якобы заявил, что нет причин, почему отношения между двумя странами не могли бы иметь нормальный характер, а затем постепенно и дальше улучшаться. На основе этого документа многие

западные историки утверждают, что инициатива переговоров об улучшении советско-германских политических отношений исходила от советской стороны¹¹⁷. А. Г. Наджафов, учитывая, что дата встречи Мерекалова с Вайцзеккером – 17 апреля – совпадает с днем, когда народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов вручил английскому послу в Москве советское предложение о заключении соглашения о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией, подчеркивает существенность установления того, какая же из сторон – советская или германская – первой решилась перевести в практическую плоскость вопрос об улучшении двусторонних политических отношений¹¹⁸.

По советской версии, отраженной в телеграмме Мерекалова в НКВД СССР, беседа преимущественно касалась советских заказов заводам «Шкода»¹¹⁹.

И. Фляйшхауэр утверждает, что активная роль в беседе 17 апреля принадлежала статс-секретарю, а не советскому полпреду¹²⁰. По мнению Фляйшхауэр, беседа, состоявшаяся действительно по инициативе советской стороны, представляла собой первый официальный шаг Германии к сближению с СССР¹²¹.

Однако немецкий историк никак не комментирует факт, который сама же и сообщает, а между тем он во многом подтверждает интерпретацию хода беседы, изложенную в меморандуме Вайцзеккера. Через десять дней после встречи Вайцзеккера с Мерекаловым свою запись этой беседы выслал в Москву по указанию М. Литвинова (изложение беседы А. Ф. Мерекаловым оставляло неясным ряд существенных для советского правительства вопросов) Г. А. Астахов, выполнявший во время встречи 17 апреля функции переводчика. Согласно записи Астахова, по предложению Вайцзеккера Мерекалов оказался в роли спрашивающего (так у кого же активная роль в диалоге: у того, кто задает вопросы, или у того, кто на них отвечает?), в результате чего разговор перешел на политические темы, в том числе тему советско-германских и германо-польских отношений¹²². В этом расхождении между записью статс-секретаря и записью Астахова нет. Однако пересказанные выше заключительные слова меморандума Вайцзеккера, вложенные им в уста советского полпреда, в действительности все же являются словами статс-секретаря. Тем не менее, рассматривать поведение Мерекалова в ходе беседы 17 апреля всего лишь как обязанность каждого дипломата заботиться об улучшении отношений со страной пребывания, подобно тому как это делает В. Я. Сиполс¹²³, нет никаких оснований. Об этом свидетельствует сам круг поднятых Мерекаловым вопросов и характер их обсуждения. По этим же причинам не представляется возможным согласиться с И. Фляйшхауэр в том, что беседа эта представляла «зондаж Вайцзеккером Мерекалова»¹²⁴ (кто кого «зондировал»?). Скорее, обе стороны проверяли готовность друг друга к политическому диалогу.

Вскоре после 17 апреля советские послы в европейских странах, в том числе А. Ф. Мерекалов, были вызваны в Москву на совещание к высшему партийному руководству. Мерекалов в Берлин не вернулся. Вместо него советское полпредство в Германии возглавил в ранге временного поверенного в делах Г. А. Астахов, считавшийся среди германских дипломатов активным сторонником оживления хороших в прошлом германо-советских связей в разных областях¹²⁵. Однако замене Мерекалова Астаховым предшествовали январский (1939 г.) Пленум ЦК ВКП (б), Отчетный доклад И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП (б), смещение М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел СССР и приход на эту должность В. М. Молотова. Каждое из названных событий нуждается в изложении и оценке.

Состоявшийся 9–11 января 1939 г. Пленум ЦК ВКП (б) в закрытой части своей работы сместил акценты международной политики СССР. Именно там Сталин дал понять, что отныне он берет бразды внешней политики в свои руки¹²⁶. Тогда же М. М. Литвинов узнал, что за его спиной ведет переговоры в Берлине торгпред СССР Д. Канделаки.

Тремя месяцами позже, 10 марта, И. В. Сталин выступил на XVIII съезде партии с Отчетным докладом о работе ЦК ВКП (б)¹²⁷, где, назвав Англию и Францию «поджигателями войны», фактически заявил о решимости советского руководства не дать втянуть страну в военный конфликт с Германией и Японией и намерении остаться вне войны, если она не будет развязана непосредственно против СССР. Тем самым Сталин поставил под сомнение возможность договориться с Лондоном и Парижем о совместных действиях против агрессии и дал Германии понять, что она, повернувшись (по оценке Сталина) против поджигателей войны на Западе, оставила фронт враждебного СССР окружения¹²⁸. Именно так выступление Сталина было расценено американскими дипломатами в Москве¹²⁹ и печатью Соединенных Штатов¹³⁰.

С удовлетворением восприняли сталинский Отчетный доклад и в посольстве Германии в СССР. Так, И. Фляйшхауэр приводит слова германского военного атташе в советской столице Э. Кестринга, назвавшего сталинскую речь «исключительно мягкой, если не сказать доброжелательной» по отношению к Германии¹³¹. Таким образом, утверждение И. Фляйшхауэр о том, что дипломатические и политические наблюдатели, с огромным вниманием следившие в Москве за этим выступлением, не усмотрели в нем каких-либо изменений сталинского курса в направлении возможности улучшения отношений между Германией и СССР¹³², не подтверждается даже теми фактами, на которых сама же немецкий ученый строит свою работу.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1939 г. народным комиссаром иностранных дел СССР был назначен В. М. Молотов, сохранивший при этом за собой пост председателя Совета народных комиссаров.

И. Фляйшхауэр пишет, что объяснение отставки Литвинова с поста наркоминдел возможно только после изучения советских документов¹³³. Теперь в этот вопрос можно внести ясность.

Не публиковавшийся в печати указ за подписью М. И. Калинина говорил об освобождении М. М. Литвинова от должности наркома ввиду того, что он занял «ошибочную позицию, в особенности в оценке политики Англии и Франции»¹³⁴. На это же как на главную причину отставки Литвинова указывает непосредственный очевидец тех событий А. А. Громько, назначенный весной 1939 г. в Наркоминдел СССР¹³⁵. Причины снятия М. Литвинова разъяснил в июле 1939 г. В. М. Молотов, выступая на собрании НКВД СССР: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦК ВКП (б) в наркомате»¹³⁶. Имелась в виду внешнеполитическая линия, провозглашенная в Отчетном докладе И. В. Сталина от 10 марта 1939 г.¹³⁷

Американское посольство в Москве однозначно связало отставку Литвинова с изменением курса советской внешней политики. 4 мая 1939 г. временный поверенный в делах США в СССР А. Керк сообщал в Вашингтон: «Эта перемена может означать отход от принципа коллективной безопасности к установлению отношений с Германией в соответствии с указаниями, содержащимися в речи Сталина на XVIII съезде ВКП (б)...»¹³⁸

Еще в начале 1939 г. в Женеве М. М. Литвиновым в беседе с Наумом Гольдманом были сказаны следующие слова: если Гольдман «однажды прочтет в газетах о том, что он (Литвинов) ушел с поста министра иностранных дел, то это будет означать сближение между фашистской Германией и Советским Союзом и близкую войну»¹³⁹. Как стало ясно позднее, в своем пророчестве Литвинов оказался прав.

Вслед за М. М. Литвиновым от занимаемых должностей были освобождены тесно связанные с его ориентированным преимущественно на сотрудничество с Англией и Францией, на участие в Лиге Наций дипломаты, а западный отдел НКВД был полностью реорганизован¹⁴⁰.

Пришедшего на смену М. Литвинову В. М. Молотова, являвшегося фактически «вторым по положению лицом в партии и стране»¹⁴¹, «правой рукой Сталина»¹⁴², «непреклонным исполнителем сталинской воли»¹⁴³ (эти характеристики вынуждают напомнить, что в январе 1939 г. Сталин дал понять, что он взял руководство советской внешней политикой в свои руки; на то, что с 1939 г. дела обстояли именно так, содержится указание в мемуарах А. А. Громько – года прихода А. А. Громько на работу в Наркоминдел)¹⁴⁴, в США, Англии и других странах Запада относили к категории сторонников «твердой линии» в отношении западных демократий¹⁴⁵.

Итак, Г. А. Астахов возглавил советское полпредство в Берлине сразу после описанных событий.

Имея в виду обстоятельства назначения Астахова временным поверенным в делах СССР в Германии, сомнение вызывает версия С. А. Горлова о том, что Астахов, делая в адрес Германии многообещающие заявления от имени СССР, «непозволительно превышал свои полномочия», действовал на свой страх и риск¹⁴⁶. Такое мнение С. Горлов высказывает на основе проведенного им сравнительного анализа записей бесед Г. А. Астахова с Вайцзеккером, Шнурре, Верманом, Шуленбургом, Штуммом с соответствующими отчетами этих немецких деятелей, в ходе которого Горлов установил, что советский дипломат в своих донесениях был гораздо более скуп и краток, чем его германские коллеги. С. А. Горлов утверждает, что лишь телеграммы Молотова от 28 и 29 июля 1939 г., представлявшие по содержанию не инструкции, а лишь одобрения постфактум действий Астахова¹⁴⁷, покрыли его «самодетельную активность». Однако характер этих телеграмм заставляет предположить наличие заранее проведенного инструктажа или же возможность других каналов связи (по линии НКВД).

В пользу первого предположения говорят обстоятельства, предшествовавшие назначению Астахова главой советского полпредства в Берлине: январский Пленум ЦК ВКП (б), Отчетный доклад Сталина на XVIII партсъезде, смещение Литвинова и приход на его место Молотова. Последовавшие вслед за последним из перечисленных фактов репрессии и «чистки» в отношении сотрудников комиссариата по иностранным делам, воцарившаяся в связи с этим во внешнеполитическом ведомстве атмосфера исключали возможность какой бы то ни было «самодетельности» советских дипломатов, пример которой С. А. Горлов видит в деятельности Г. А. Астахова.

В пользу второго предположения говорит безусловная секретность советско-германских переговоров (отсюда и выжидательная позиция советской стороны, фиксируемая многими исследователями: мог ли Советский Союз, учитывая проводившиеся им параллельно переговоры с Англией и Францией, направленные против той же Германии, проявлять излишнюю инициативу на тайных переговорах с германскими представителями?) и наработанный в 1921–1933 и 1936–1938 гг. опыт подобного рода обмена информацией: тайные службы обеих стран не прерывали контактов. Однако, поскольку никаких документов, подтверждающих вторую гипотезу, до настоящего времени неизвестно, а также учитывая анализ всех изложенных обстоятельств, наиболее реальным представляется первое предположение: заранее проведенный московским руководством инструктаж Астахова.

Уже через два дня после смещения М. М. Литвинова, 5 мая 1939 г., заведующий Восточно-Европейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии Ю. Шнурре сообщил Г. А. Астахову, что германское правительство согласно, чтобы заводы «Шкода» выполнили советские заказы¹⁴⁸. Поскольку речь шла о поставках военной техники, это было немаловажным симптомом наметившегося сближения двух стран.

Итак, взяв за основу в поиске ответа на вопрос: кто сделал официальный первый шаг, приглашение к урегулированию советско-германских политических отношений – чисто хронологическое развитие событий и учитывая все ранее изложенное, с уверенностью можно кон-

статировать, что инициатором сближения Германии и Советского Союза выступило советское руководство (ему же принадлежит авторство формы советско-германских соглашений). Указание на то, что путь к пакту Молотова – Риббентропа был обозначен в марте 1939 г. на XVIII съезде партии, содержалось в сообщении о ратификации советско-германского договора о ненападении, с которым В. М. Молотов выступил на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Все свои рассуждения о договоре Молотов построил именно на мартовском Отчетном докладе Сталина о работе ЦК ВКП (б), опустив ту часть речи, где говорилось, что Советский Союз поддержит страны, ставшие жертвами агрессии. Молотов, подчеркнув, что советское руководство всегда стремилось и давно «считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией», дожидаясь лишь ответного желания германского правительства изменить свою внешнюю политику в сторону улучшения отношений с СССР, сказал, что еще в марте Сталин «поставил вопрос о возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР»: Гитлеру дали ясно понять, что, если он протянет Сталину руку, то ее примут. «Теперь видно, – добавил Молотов, – что в Германии правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы»¹⁴⁹.

Выступая в германском рейхстаге 1 сентября 1939 г., Гитлер, коснувшись ратификации советско-германского пакта, заявил, что он «может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов в связи с этим»¹⁵⁰.

Таким образом, рассматривать сообщение Молотова от 31 августа 1939 г. лишь как «намеки» на взаимосвязь мартовского выступления Сталина с последующим переломом в развитии политических отношений Германии и СССР, подобно тому как это делает И. Фляйшхауэр¹⁵¹, можно лишь при невнимательном изучении текста этого выступления. В. Я. Сиполс, касаясь сообщения Молотова, утверждает, что в МИД Германии никакого намека на возможность сближения СССР и Германии в Отчетном докладе Сталина не заметили¹⁵². Однако это опровергается ранее цитировавшимися словами военного атташе Германии в СССР Э. Кестринга.

Главным аргументом, выдвигаемым И. Фляйшхауэр против того, что И. В. Сталиным на XVIII съезде ВКП (б) была продемонстрирована внешнеполитическая открытость в отношении Германии, является неясность (с точки зрения И. Фляйшхауэр) вопроса, «зачем ему это нужно было делать»¹⁵³.

Все, о чем шла речь выше, свидетельствует: Сталин фактически способствовал приходу Гитлера к власти, поддерживал его усилия по разжиганию войны в Европе, с которой советское руководство связывало успех мирового революционного движения. Сталин, стоявший у руля тайного сотрудничества СССР и Германии в 1921–1933 гг., желал продолжить его и с Германией Гитлера (анализ выступлений Сталина на XVII и XVIII съездах ВКП (б)). Именно советская сторона явилась автором как договора о ненападении, так и секретного дополнительного протокола. В 1939 г., в опасной ситуации «уже идущей второй империалистической войны», Сталин разглядел шанс для победы отложенной в 1925 г. на неопределенный срок мировой революции. Поэтому-то следует согласиться с версией Виктора Суворова о том, что политические соглашения с Германией были нужны Сталину, чтобы руками Гитлера как «Ледокола революции» разгромить и ослабить Европу, в том числе и Германию, и ввести на территории ослабленных войной стран свежие советские армии, увеличить число советских социалистических республик, приблизить заветную цель всех большевистских лидеров – сделать планету «красной».

Сам В. М. Молотов, как он объяснял много лет спустя, видел свою задачу наркома иностранных дел в том, чтобы «как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей»¹⁵⁴.

В. Суворов прав также, утверждая, что своими действиями Гитлер давал Сталину право в любой момент объявить себя освободителем Европы.

В конечном счете, именно так оно и случилось, а те страны, через территории которых прошла в годы Второй мировой войны Красная Армия, на десятилетия вошли в советскую сферу влияния, расширив территорию «социалистического лагеря».

Однако прав ли В. Суворов, утверждая, что Гитлер опередил Сталина с нанесением удара, а поскольку в соответствии с директивой высшего политического руководства страны был-де выработан план лишь наступательной войны против Германии, то этим и объясняются катастрофические поражения Красной Армии на начальном этапе Великой Отечественной войны. Иными словами, насколько верна концепция превентивной войны Германии против СССР?¹⁵⁵

Вот что пишет в своих «Воспоминаниях» Г. К. Жуков, с июня 1940 г. командовавший войсками Киевского Особого военного округа, а с января 1941 г. занимавший пост начальника Генерального штаба: «Что касается оценки пакта о ненападении... нет никаких оснований утверждать, что И. В. Сталин полагался на него... Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И. В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении»¹⁵⁶. Нарком ВМФ СССР и главнокомандующий ВМФ в Великую Отечественную войну Н. Г. Кузнецов: «Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможность войны с Германией, напротив, он такую войну считал весьма вероятной, и даже рано или поздно неизбежной. Его ошибкой, по моему мнению, было неправильное определение сроков конфликта. И. В. Сталин вел подготовку к войне – подготовку широкую и разностороннюю, исходя из намеченных им самим сроков. Гитлер нарушил его расчеты»¹⁵⁷. Очевидно, что Сталин под влиянием уверений Гитлера о том, что его главной целью является разгром Англии, считал советско-германскую войну возможной лишь после окончания военных действий с Англией. Отсюда и его растерянность в первые дни Великой Отечественной, и неоднократные предложения в адрес Гитлера заключить мир наподобие Брестского: первый раз – 22 июня, второй – в июле 1941 г., в разгар Смоленского сражения, третий – в начале октября 1941 г., когда вермахт начал наступление на Москву¹⁵⁸.

Неопровержимыми являются следующие факты. В период с 1 сентября 1939 г. до начала Великой Отечественной численность Вооруженных сил СССР была увеличена в два с лишним раза¹⁵⁹. На 21 июня 1941 г. в Красной Армии насчитывалось 303 дивизии¹⁶⁰. К этому времени к западной границе СССР были стянуты силы, по количественным показателям не уступавшие, если не превосходившие силы вермахта и его союзников. На случай войны с Германией стратегическая установка Красной Армии состояла в том, чтобы разгромить основные силы противника в приграничных боях, перенести военные действия на Запад, освободить страны Европы от германского ига, что в свою очередь должно было, по мысли советских лидеров, стимулировать революционный процесс и привести к освобождению европейских народов от гнета буржуазии. (Собственно, именно эту миссию Красная Армия и выполнила в ходе борьбы с фашизмом в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, о чем говорилось выше.) В этом направлении велась пропагандистская и воспитательная работа в частях Красной Армии и среди населения приграничных районов. Такая стратегическая установка Красной Армии подтверждается и директивами №№ 2 и 3, направленными из Кремля в войска 22 июня 1941 г.¹⁶¹

Что же касается сталинских предложений Германии заключить мир наподобие Брестского договора от 3 марта 1918 г., то эти факты никоим образом не опровергают утверждений о вынашивавшихся Сталиным агрессивных планах в отношении рейха и всей Европы. Более того, они свидетельствуют именно об агрессивности замыслов сталинского правительства. Чтобы прийти к такому выводу, достаточно вспомнить историю заключения Брест-Литовского

договора. И в 1941 г., сознавая, что война с Германией началась в самых неблагоприятных для Советской страны условиях, Сталин решил ценой утраты всей Прибалтики, Белоруссии и Украины обеспечить мирную передышку для восстановления застигнутой врасплох, а потому терпевшей поражения Красной революционной армии, чтобы взорвать потом подобный Брестскому мир. Но Германия была уже другой. Если кайзеровской монархии мирный договор с Россией был нужен в 1918 г. для того, чтобы энергичнее вести войну на Западе, то гитлеровская директива № 21 от 18 декабря 1940 г. гласила: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию... еще до того, как будет закончена война против Англии»¹⁶². Оценив методы, с помощью которых сталинское правительство овладевало территориями, отошедшими к сфере интересов СССР в результате секретных договоренностей с Германией – методы насильственной большевизации, – и задумавшись над тем, что стоит за советскими требованиями о передаче СССР новых европейских территорий (Сталин жестко настаивал на том, что Финляндия и Балканы относятся к его «сфере влияния». Что означал этот термин, мы уже хорошо знаем), Гитлер остро почувствовал надвигающуюся на Европу коммунистическую опасность. Поэтому в речи от 14 июня 1941 г. он напутствовал германский генералитет такими словами: в войне с Россией «речь пойдет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность... Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника (именно это и означал бы мир наподобие Брест-Литовского. – А. П.), а для того, чтобы уничтожить его»¹⁶³. Гитлеровское правительство замышляло уничтожить СССР как страну большевизма, страну, бессменное руководство которой неотступно преследовала идея мировой социалистической революции. И в этом смысле нападение Германии на СССР было действием, предупреждавшим опасное (а в том, что насильственная большевизация является таковой, у меня сомнений нет) не только для Германии, но и для всей Европы развитие событий. Иными словами, превентивным ударом.

Использовать ситуацию, пока Германия, Англия и Франция истощают друг друга в войне, для приобретения малой кровью новых территорий, увеличения числа советских республик – цели, заложенной в фундамент Советского государства, – не удалось.

Подведем итоги. Существуют различные оценки советско-германского договора о ненападении. Согласно традиционной, или, можно сказать, официальной в течение долгих лет, позиции он характеризовался как политически правомерный, необходимый в сложившейся обстановке, помогший СССР отодвинуть начало неминуемой войны. Такая точка зрения прозвучала и в Сообщении Комиссии Съезда народных депутатов¹⁶⁴, и в утвердившем ее выводы постановлении СНД СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.»¹⁶⁵ (пп. 1, 2). Есть и другое мнение. Оно состоит в основных чертах в том, что без договора Германия, возможно, не рискнула бы ввязаться в военную авантюру против Польши. Такой позиции придерживаются, в частности, М. Семиряга¹⁶⁶ и Р. Мюллерсон¹⁶⁷.

В Сообщении Комиссии СНД СССР вторая позиция названа «бездоказательной»: утверждается, что Германия зашла в подготовке войны слишком далеко, чтобы «протрубить отбой».

Между тем все, о чем говорилось выше, свидетельствует: Гитлер отлично понимал причину поражения Германии в Первой мировой войне. Этой причиной была борьба на два фронта. И в будущей войне он вовсе не желал оказаться между двух огней – с запада и востока. Изначально успех намеченной в плане «Вайс» военной кампании напрямую увязывался с тем, удастся ли достигнуть политической изоляции Польши: «Целью нашей политики является локализация войны в пределах Польши»¹⁶⁸. Эта же мысль еще раз прозвучала в речи Гитлера на совещании 13 мая 1939 г.: «Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу.

Успех этой изоляции будет иметь решающее значение и будет зависеть от умения вести политику изоляции»¹⁶⁹.

К осуществлению названной цели и прилагала усилия гитлеровская дипломатия весной – летом 1939 г.: не допустить антигерманского военного соглашения Англии, Франции и СССР и нейтрализовать Советский Союз в случае конфликта с Польшей. 23 августа эти две главные цели были достигнуты.

Без поддержки России, единственной великой державы, в силу своего географического положения сохранявшей полную свободу действий в Восточной Европе, предоставленные Польше 31 марта 1939 г. англо-французские гарантии теряли свою ценность. Допустим, можно было атаковать Германию с запада, но нельзя воспрепятствовать переходу немецкими войсками польской границы, – а в результате этого перехода Запад был бы попросту поставлен перед свершившимся фактом, который сделал бы продолжение войны бессмысленным (именно на этот фактор и сделал ставку Гитлер 1 сентября 1939 г., но, как оказалось, недооценил твердость позиции западных держав)¹⁷⁰. Отсюда самым надежным способом изолировать Польшу было переиграть возможное соглашение русских с Англией и Францией на германо-советское и тем самым обеспечить нейтралитет СССР в случае войны. Чтобы добиться этого, Гитлер и Риббентроп были готовы превратить в фарс антикоминтерновский пакт, пойти на риск лишиться обоих союзников – Италии и Японии¹⁷¹ – и согласиться на огромные уступки Советскому Союзу в Восточной Европе.

Кроме того, при определении причины того, почему именно Москва оказалась летом 1939 г. в центре внимания Гитлера, следует указать на то, что англо-французским гарантиям для Польши Гитлер серьезного значения не придавал¹⁷², воспринимал их «как пустую угрозу, как демонстрацию, направленную против него лично». До самого начала войны он не верил, что Англия будет воевать с Германией из-за Данцига¹⁷³, французы же лишь последуют ее примеру, а будучи предоставлены сами себе, не вступят в войну¹⁷⁴. Такая уверенность Гитлера в безнаказанности «польского похода» основывалась на том, что ни одна из внешнеполитических акций Германии, начиная с ее выхода в октябре 1933 г. из Лиги Наций и заканчивая оккупацией немецкими войсками Словакии в марте 1939 г., не встретила решительных контрдействий со стороны Запада. (Отнюдь не случайно в речи от 22 августа 1939 г. перед германскими главнокомандующими Гитлер подчеркнул, что основание Великой Германии было «в военном плане... сомнительно» и достигнуто лишь «благодаря блефу политического руководства».¹⁷⁵)

Тем не менее, дабы получить стопроцентную уверенность в изоляции Польши, Гитлер пытался отговорить западные державы от выполнения взятых ими на себя обязательств помощи. Поэтому, как отмечает в этой связи В. М. Фалин, с подписанием 23 августа советско-германских соглашений Германия на 10 или даже 11 дней потеряла интерес к политическим контактам с СССР¹⁷⁶. Технические вопросы и детали обсуждались, но все политическое внимание Гитлера и его дипломатии с 24 августа до 2 сентября было переключено на Англию и Польшу. Однако, как писал германский посол в Москве Шуленбург через несколько дней после начала войны, «Великобритания не смогла пойти на «второй Мюнхен». Чемберлена растерзали бы, если бы он совершил такое еще раз...»¹⁷⁷

Подписанием в Кремле 23 августа 1939 г. советско-германских соглашений из рук западных держав был выбит важный инструмент – помощь России.

Как видим, тезис о политической правомерности договора о ненападении несостоятелен, как несостоятельны и утверждения о том, что заключением этого пакта «всему человечеству вновь было показано последовательное миролюбие Советского государства»¹⁷⁸: советско-германский договор был заключен с тем, чтобы позволить Гитлеру вторгнуться в Польшу, обеспечив ему при этом тыл на Востоке и свободу рук на Западе. Руководство Советского Союза

полностью осознавало это. Каждому политически мыслящему человеку того времени было ясно, что советско-германский пакт означал вторжение в Польшу, т. е. начало Второй мировой войны. Это не умаляет вины Германии в развязывании Второй мировой войны. Советский Союз был полностью согласен с войной между другими народами, чтобы поживиться частью ее плодов.

Утверждают, что, заключив с Германией пакт о ненападении, Советский Союз почти на два года отсрочил нападение Германии на СССР¹⁷⁹. Однако следует согласиться с В. М. Кулишом, что такая отсрочка – не заслуга договора¹⁸⁰.

У германского руководства был свой план войны в Европе, заявленный Гитлером 8 марта 1939 г. Советский Союз, осуществлявший с Германией с апреля 1939 г. интенсивные тайные контакты, лучше, чем кто бы то ни было другой, знал, что в ближайшее время Германия нападет на СССР не собирается. Не была готова она к этому и в военном отношении¹⁸¹.

С опровергнутыми утверждениями тесно связана попытка обоснования необходимости советско-германского пакта тем, что Советский Союз стремился избежать войны на два фронта: напоминают о действиях советско-монгольских войск на реке Халхин-Гол в Монголии¹⁸². Однако со стороны Японии это была разведка боем, небольшая по размаху операция армейской группы¹⁸³. Указание на военно-технический, а не военно-политический характер этой акции содержится и в мемуарах командовавшего советскими войсками на Халхин-Голе Г. К. Жукова¹⁸⁴. Жертвы были большие, но, что касается большой войны против Советского Союза, Япония рассчитывала на такую войну через 2–3 года¹⁸⁵. В 1939 г. Япония к серьезной войне против Советского Союза не была готова.

Самое же главное – операция японцев на Халхин-Голе не угрожала непосредственно безопасности СССР, и вовсе не безопасность Родины защищали принимавшие участие в этой операции советские войска: они выполняли «интернациональный долг», защищая завоевания монгольской народной революции 1921 г.¹⁸⁶ (а значит, и дружественный СССР режим: генеральной линией правящей Народно-революционной партии был провозглашен курс на обеспечение постепенного перехода от феодализма к социализму), подобно тому как это было сорок лет спустя в Афганистане.

Кроме того, подготовка к генеральной наступательной операции по окружению и уничтожению японских войск началась в самом начале лета 1939 г., когда вопрос о договоре с Германией еще не перешел в практическую плоскость: изначально операцию по разгрому японских войск намечалось начать в срок до 20 августа¹⁸⁷ (как известно, советские войска перешли в наступление на Халхин-Голе утром 20 августа 1939 г., а вечером 19-го Сталин принял окончательное решение о заключении советско-германского пакта). К 23 августа – дате подписания соглашений с Германией – успех военных действий против Японии становился очевиден, следовательно, и цель пакта – если ее понимать как желание советского правительства «усмирить Японию» – становилась бессмысленной. Именно полное поражение японских войск на Халхин-Голе, последовавшее 31 августа, а не советско-германский договор (я не отрицаю его важность для обесценивания антикоминтерновского пакта), послужило основной причиной заключенного 15 сентября 1939 г. соглашения о перемирии между СССР и Японией¹⁸⁸, а 13 апреля 1941 г. – советско-японского пакта о нейтралитете¹⁸⁹.

Утверждают, что, присоединив во исполнение вытекавших из противоречивших всем принципам и нормам международного права соглашений с Гитлером к Советскому Союзу Западную Белоруссию и Западную Украину, а также Прибалтийские республики, и тем самым отодвинув на запад границы нашей страны, СССР обеспечил себе большую безопасность за счет ограничения продвижения немецких войск на восток¹⁹⁰. Да, советские границы действительно были отодвинуты на 200–300 километров на запад, но при этом согласно тем же

советско-германским соглашениям Германия продвинулась на 300–400 километров на восток. Поэтому следует согласиться с мнением В. Суворова, что от этого безопасность Советского Союза не повысилась, а наоборот, понизилась¹⁹¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.